

Реверс

Автор:

Игорь Осипов

Реверс

Игорь Валерьевич Осипов

Бабье царство #1

«Реверс» – фантастический роман Игоря Осипова, первая книга цикла «Бабье царство», жанр юмористическое фэнтези, попаданцы.

Трудно быть богом, поэтому даже не пытайтесь – надорвётесь. И эльфом тоже быть нелегко, особенно в мире, где царит полнейший матриархат, где отважные рыцарши спасают из лап драконов прекрасных принцев, где судьбы народов решают королевы, а утончённые короли – лишь украшение тронного зала, где инквизиторши сжигают на кострах сельских ведьмунов, где мужчины стоят у плиты, воспитывают детей и ждут своих жён с работы. Вот и приходится прогрессору Юрию во имя науки исполнять роль не воителя, а странствующего эльфа, и приспособливаться под гендерный реверс, мать его тудыть и растудыть, а ещё нужно не потерять очень важную чугунную флешку.

Игорь Осипов

Бабье царство

Книга 1

Реверс

Содержание цикла «Бабье царство»:

Книга 1. Реверс

Книга 2. Леди Артур

Книга 3. Наследие проклятой королевы

Дата написания: 2020 г.

Дата выхода: 2022 г.

Размер: 13,09 а.л.

Возрастные ограничения 16+

© Осипов Игорь

© ИДДК

* * *

Пролог

– Ведьма! Одним словом, ведьма! – прокричал высокий, плотного телосложения генерал, пнув ни в чём не повинную стенку КПП, а потом поднял глаза на удаляющийся кортеж из запряжённой белыми волами кареты и нескольких боевых колесниц.

Знамёна гильдии магов шевелились на ветру, а в расположенной у подножья мраморных холмов долине раскинулся сказочный средневековый городок Керенбург. Всё как полагается: замок с крепостными стенами, двухэтажные домики горожан, дымок из многочисленных труб кузниц, гончарен и прочих мастерских. И шпиль филиала гильдии магов, ставшей камнем преткновения в дипломатии. Стоящий рядом с генералом, экипированный в камуфляж, бронежилет и кевларовый шлем автоматчик резко контрастировал с разряженным на местный манер и оттого похожим то ли на попугая, то ли на причудливую тропическую рыбку, старшим отдела контактов с параллельным миром и прогрессорства.

- Товарищ генерал, - произнёс невысокий седоватый прогрессор. - Опять связь с дальней миссией оборвалась. Снова затяжная магнитная буря. Надо бы кого-то нарочным с документами отправить.

- Ну так отправляй! В чём проблема?! - рявкнул генерал, он же начальник первой научно-исследовательской и заодно военной базы в этом сказочном Средневековье. Вояка оглянулся на каркасные здания штаба, казарм и лабораторного комплекса, а потом махнул рукой, указав на неспешно идущего вдоль столовой паренька, тоже одетого в местные средневековые одежды. - Вон, Юрку отправь! Уже дуреет от безделья! Пора бы его к чему-нибудь посерьёзнее приобщить, а то так и засохнет в вечных стажёрах.

- Три дня пути. Разбойники, нечисть. Справится?

- Да куда он денется? - усмехнулся генерал, а потом добавил: - Я должен тебе рассказывать, как обеспечивать безопасность прогрессоров? Не компостируй мне мозг.

Старший прогрессор вздохнул и направился к корпусам.

- Юра! - громко позвал он паренька. - Подь сюда, дело есть...

Глава 1

Гендерный реверс, мать его

Мои приключения начались не совсем так, как я хотел. Вернее, совсем не так, как хотел.

– Скряга! Жаба старая! – раздалось одновременно с грохотом открываемой двери, заставив меня оторваться от разглядывания посетителей таверны и своего завтрака – яичницы с гренками на деревянной тарелке.

В пропахшее дымом, выпивкой и пригоревшей едой помещение ввалилась ватага тружениц каменоломни. Здоровенные, под два метра ростом, женщины густыми хриплыми голосами обсуждали курфюрсти?ну, то есть герцогиню, которая решила построить крепость в устье Моро?чки, но денег пожалела.

Я вздохнул и тут же едва не поперхнулся от вонючей гари ламп и едкого пота тружениц, прибывших сюда напрямик с каменоломен. Когда отправили, шеф боялся за меня, так как это мой первый самостоятельный выход на задание. Но вроде бы ничего, справляюсь.

Да, я сейчас на должности рядового прогрессора, да ещё и колдовского мира. Кто-то скажет, мол, что ему дома не жилось? Но всё же... Там интернет, супермаркеты и жвачка для мозга из ТВ, а здесь – свобода и неведомое.

В общем, каждый прогрессор – как Индиана Джонс. На всех приключений хватит. Вонючих, грязных, голодных, с разодранными в кровь руками и разбитым лицом.

– В бездну! – раздался новый выкрик самой неугомонной из работниц.

Выкрик привлек не только моё внимание, но и одинокой стражницы, устало жевавшей репу, сдобренную мясной подливой. Но стражница не имела желаний связываться с гильдией моро?чкинских каменщиц и потому молча продолжала ковыряться ложкой в тарелке. А буйная шахтерша стукнула большой деревянной кружкой по стойке трактирщицы и вскоре оказалась возле меня, отодвинув стул и опустившись на него с ухмыляющимся видом.

– Эй, красавчик! – Она говорила чистым басом, у неё было тяжёлое лицо с темными глазами.

Я снова вздохнул. Придётся строить из себя недотрогу. Казалось бы, счастье мужику – баба сама подкатывает, да только сомнительное это счастье. Здесь и нравы не земные, незамысловатые и суровые.

В это же время встроенная для сохранности и невозможности потерять в мозг информационная система, состоящая из гель-процессора и пакета нейроконтроллеров, оценивая обстановку в фоновом режиме, выдала совет.

«Служебное сообщение: угроза жизни и здоровья минимальна. Угроза срыва сроков выполнения задачи. Причина: незапланированное взаимодействие с местным населением. Согласно протоколу, рекомендуется применить субличность книгочей. Выполнить?»

Я дал ментальное согласие. Лицо слегка похолодело из-за оттока крови, что придавало ему бледности. Зрачки, наоборот, расширились, а голосовые связки изменили голос на то, что в нашей среде называлось «уста невинности». Не любил я субгипнотические процедуры, но раз протокол требует, придётся. В моменты их применения даже восприятие окружающего мира меняется. Хотя от гипноза здесь только пафосное название, просто электроды стимулируют одни участки головного мозга и железы внутренней секреции и подавляют другие. Ну там, адреналина больше-меньше, в случае если нужно подраться или сделать ноги, или окситоцина, отвечающего за эмпатию.

Не люблю я режим книжника, не люблю больше остальных, так как голова от него потом болит аж до тошноты, но против протоколов лучше не переть: себе дороже.

– Время торопит, – тихо ответил я, опустив лицо и избегая глядеть на бабищу.

Обоняние начало улавливать растворённые в воздухе феромоны, источаемые этой особой. Она явно пребывала в приподнятом настроении. Слух оценивал тембр и малейшие изменения интонации голоса, переводя эмпатию в овердрайв.

И о слове «Я». Мужчине здесь крайне невежливо его произносить. Я, мне, меня... Это привилегия женщин.

– Да чё! Успеешь. Ну-ка, глянь на меня.

– Пора идти, – ответил я, нарочито робко глядя на эту особу. И ведь не отвертишься. Она одной рукой поднимет меня над землёй. Придётся тянуть время, уповая на режим книгочея. В субгипнотическом состоянии даже психосоматика меняется. – Пожалуйста, позвольте уйти.

– Ух ты, девки! У него глаза голубые, как льдинки! – заорала труженица на весь зал. – Трактирщица, большую кружку этому красавчику! Живым от меня не уйдёт!

Режим книгочея заставил держаться максимально отстранённо и не агрессивно. В случае конфликта это выставит меня жертвой, создав повод для претензий и вмешательства.

На стол со стуком опустились две большие деревянные кружки, по два литра каждая. Я так живым точно не уползу, а у меня задание. Я дотронулся до кошелька, где лежала чугунная флешка. Я не шучу. Это для местных цехов книгопечатников, которых мы поддерживали и спонсировали. Книги – самое первое, что наша организация пыталась распространить в новом мире. А сейчас прогрессоры в моём лице совершенно некстати столкнулись с упёртой озабоченной дурой.

Придётся рисковать и дальше эксплуатировать режим книгочея.

– Время, – тихо произнёс я и встал, чтобы двинуться к двери.

На улице всё же спокойнее будет, а в случае перехода в режим берсеркера с последующим выплеском убойной дозы адреналина даст пространство для манёвра. Да и со спрятанным под жилетом в кобуре самозарядным пистолетом сподручнее на свежем воздухе, чтобы нож или дубинку близко не подпустить. И куда уж местным против самозарядного оружия.

– Да куда ты не пойдёшь, красавчик, – криво улыбнулась женщина, и в помещении возникла тишина.

Все ждали развития событий.

– Пожалуйста, у меня обет воздержания, – тихо и сухо протянул я и поглядел на неугомонную бабушку взглядом кота из старой анимационной сказки, только что не мурлыкал.

Только бы система не выдала совет поддаться. Я лучше нарушу рекомендацию, чем полезу на эту потную бабенцию с гнилыми зубами. Пусть мне руку ломает. Потреплю.

А события тем временем приняли совсем уж плохой оборот. Бабушка с жалобным скрипом стула подвинулась, перегораживая мне дорогу, ехидно улыбнулась и смерила меня взглядом с ног до головы.

– Не спеши.

Я внутренне скривился, ощущая себя неигровым персонажем в пошлой ролевой игре. Мужчинам здесь свободу воли не давали. А приличные мужчины сидят в светлице и не шарахаются по трактирам. И потому субличность книгочея максимально пыталась соответствовать этому моральному принципу.

Тишина затянулась, а потом я вздрогнул. В стол с грохотом вонзился здоровенный кинжал, а затем к нам подошла ещё одна женщина. Не из ватаги. В кольчуге и с серым шерстяным плащом в скатку на плечах, словно солдатская шинель.

– Он со мной, – произнесло новое действующее лицо.

Я улыбнулся. На шее у молодой высокой воительницы болталась цепочка с жетоном прогрессоров. Наёмница. Из местных. Работает на нас.

«Биометрические данные подтверждены. На имя субъекта зарегистрирован договор на оказание услуг».

Ватажница смерила пришлую взглядом, раздумывая, стоит ли ввязываться в драку. С одной стороны, тружениц каменоломни здесь почти десяток, с другой – кроме ножей, у них ничего не имелось, а наёмница была вооружена лёгким фальшионом, висевшим в простых ножнах на перевязи, и парой топориков, заткнутых за широкую портупею. Из защиты – небольшой круглый щит, по

размеру чуть крупнее кулачного ба?клера, и кольчуга длиной до колен поверх простёганной войлочной куртки.

Девушка не столь широкоплеча, как работница, но ростом не уступала. То есть она возвышалась надо мной на добрых тридцать с лишним сантиметров. И надо признать, имелось в ней некое обаяние, которое не портил даже тонкий шрам, идущий от левой стороны рта к уху, словно кто-то пытался ей вырезать улыбку, но сделал работу наполовину. Сдох, наверное.

Около десятка каштановых кос спускалось до поясницы. И в каждую вплетено по медной бляшке.

– Чё такая дерзкая? – нехотя начала ватажница, стараясь не уронить лицо во время отступления.

– Жрать захочешь – не так одерзе?ешь, – спокойно ответила наёмница, а потом вынула нож из столешницы и сунула в ножны, висящие на правом бедре.

Она встала перед работницей, дождавшись, пока та с невероятно кислой и недовольной рожей не освободит проход, схватила меня за локоть и потащила к выходу. Спротивляться было бесполезно: я вешу семьдесят с небольшим, она под – сотню. И жирка не видно, а это значило, что сил у неё тоже побольше будет. А режим берсеркера с его имитацией боевого транса и впрыском убойной дозы адреналина сейчас нецелесообразен. Не буду же я глушить своего же сотрудника. Хоть она и из местных.

Вскоре мы оказались на улице, где меня отпустили, но столь неожиданно, что я чуть не упал.

По подсохшей грязи у трактира с кудахтаньем бегали куры, ковыляли гуси и копошился в куче земли одинокий поросёнок.

«С вероятностью сорок процентов наёмная работница – осведомитель магистрата. Для снижения бдительности рекомендуется субличность олух», – прошептал внутренний голос, уловив мысленное подтверждение.

А вообще-то, олух – моя любимая субличность. Он больше всего походил на меня прежнего. Разве что гормональный фон подразумевал немного большую эмоциональность и импульсивность. Но это даже прикольно.

– Весь обед испортили, – пробормотал я, глядя на тощего мужичка, который, стоя на табуретке, снимал с верёвок серое, едва-едва отстиранное бельё.

Химических отбеливателей в этом мире ещё не водилось, и что-то разок испачканное отстирать уже невозможно. Пришлось одёрнуть оранжевую льняную куртку с набивными рукавами из чёрно-жёлтых полос, а потом достать заткнутый за пояс малиновый берет с пышным белым пером на боку. Что поделать, местная мода такая. А ещё я по этой самой моде таскал начищенные до блеска медные колечки на пальцах и серьгу в правом ухе. Радует, что это здешняя мода нормальных, охочих до женских ласк мужчин. Гендерный реверс, мать его!

– В другом месте поедим. Я тоже проголодалась, – смерив меня взглядом, произнесла наёмница.

– Ты меня по жетону халума?ри узнала? – спросил я.

– Угу. Но не только. Ты чем-то похож на главу своей гильдии. Вы, полупризраки, все там немного не такие. Не знаю. Просто другие, – пожав плечами, ответила наёмница. – Странные.

– Хорошо. Тогда поедим и направимся в Галли?пос. Туда необходимо доставить кое-что, – произнёс я, хлопнув ладонью по карману с чугунной флешкой.

– Там сейчас неспокойно. Соседние королевства воюют, и вокруг Галли?поса часто приходится отбиваться от мародёров, залётных рейдеров, банд дезертиров и просто разбойников.

– Знаю, но идти всё равно нужно. Кстати, меня Юрой зовут, а тебя? – жизнерадостно спросил я, поглядев на девушку снизу вверх.

– Катарина, – ответила она густым и низким, но в то же время приятным голосом и пошла вперёд, отчего мне пришлось чуть ли не вприпрыжку догонять её.

Люблю я режим раздолбая!

Глава 2

В путь

Мы шли по рынку. В животе урчало, а под ногами хлюпало. Вчерашний дождь разбил всю дорогу, заставляя людей обходить широкие мелкие лужи.

– Чёртова провинция! – пробурчал я, пытаюсь не запачкать остроносые ботинки с медными пряжками – казённые, между прочим.

Мне их перед заданием выдали вместе со всей одеждой, а она не дешёвая – дизайнерская, ручной работы. Наёмница не сбавляла шага, отчего мне пришлось порой переходить на бег. Она молчала, заставляя глядеть ей в спину. А ничё так, недурна собой. Наш кадровик, которого обязали ещё и с местными договоры о работе заключать, тот ещё эстет. В общем, не широкоплечая бычара с сиськами-бидонами на десять литров, а вполне нормальных пропорций. Подумаешь, почти два метра ростом! Буду считать, что это боевая волейболистка, а не трольчиха.

Я поправил перекинутую через плечо походную торбу из кожи и проверил наброшенный, как рюкзак, чехол со спальником, состоящим из хорошей циновки и толстого шерстяного одеяла. Тоже дизайнеры поработали. Они, как узнали, что их изделия пойдут в иной мир, словно с цепи сорвались. Кузнецы, портные, кожевники, ювелиры и прочие кустарщики наперебой свои творения пихали в ведомство по прогрессорам. И всё в соцсетях выложено.

Хотели сперва всё в секретности держать, но как только Штаты ринулись в безлюдный мир, заявив на весь свет, что они молодцы, пришлось рассекретить, чтоб не отстать в политическом плане. Нам же тоже шумные успехи нужны.

Штатам карты в руки: делай что хочешь, лишь бы экология не пострадала, а у нас сразу возникла куча комиссий по правам человека, толпы профессоров во всех отраслях и обществ по защите попугайчиков из параллельного мира. Но это же оказалось нашим козырем. Экономически у конкурентов форса, а у нас –

настоящий обитаемый мир со средневековьем. И матриархатом. Запад аж на кипятки изошёл! Хайп не утихает ни на секунду.

- Мы жрать-то будем? – спросил я у Катарини, когда миновали рынок.

- Вечно вам, мужчинам, лишь бы хныкать! Потерпеть не можешь? – огрызнулась она.

- Ну я же должен знать.

- Скоро.

- Когда скоро?

- Ульцери, – зло пробурчала в ответ наёмница.

На местном непередаваемом это было что-то вроде стервы. Только этим словом местных мужичков звали, которые излишне много говорят. А ещё по земной привычке вставляю местоимения «Я». А вот назло буду вставлять. Буду гадёнышем крашеным! Хотя нет, я русский от рождения.

Я поглядел на клинок Катарини. Уж не им ли с ней рассчитались? И ножны, и рукоять слишком хороши для этого мира. Про сам фальшион и говорить нечего – легированная сталь заводского проката с соблюдением всех технологий даже после ручнойковки на порядок превосходит местные изделия. После электрохимического травления узоров она превращалась в произведение искусства. Для местных это фактически аналог эльфийского клинка, а я сам – типа эльфа. Длинных ушей не хватает, но зато в наличии голубые глаза, какие здесь бывают только у фольклорного северного народа. Вот они и были фирменным знаком прогрессоров. Из-за этого на меня часто поглядывали с любопытством. Эксперты посчитали, что лучше быть эльфом, чем притворяться своим. Всё равно не получится. Хотя я точно знал о тайных агентах, в которые были набраны высокие спортсменки. Их долго-долго натаскивали на лингвистику и обычаи, а потом засылали как купцов.

- Долбаная провинция! – снова буркнул я, когда улочки между двухэтажными кирпичными домиками стали совсем узенькими, а грязь вперемешку с

человеческими фекалиями никогда не высыхала.

В такой тесноте, если три человека идут одной шеренгой, крайние локтями стен касаются. Но к тесноте и грязи я привычен. По срочке был мехводом танка. Из грязного комбинезона почти не вылезал. Ботинки жалко. И портянки. Их же стирать надо, а стиральных машинок здесь нет и в ближайшие сто лет точно не будет. Разве что у лордесс и богатых купчих, но моя спутница – ни то, ни другое. Поэтому можно не надеяться.

– Вот, – произнесла Катарина, когда мы подошли к небольшой двери.

Дом не выделялся среди прочих, и оставалось только догадываться, кто там жил. Разве что моя спутница сняла комнату по знакомству.

И опять под ногами грязь вперемешку с золой, как обычно делают местные. Зола здесь вроде простейшего оберега. Я поморщился, а Катарина с силой постучала в дверь с большими щелями между досок, в них наверняка просачивался сквозняк, но климат мягкий, так что это своего рода вентиляция и защита от плесени.

Открыли почти сразу. На пороге нас встретила дородная бабища в возрасте. В седые косы вплетены многочисленные жетоны-амулеты, а в руках – серая тряпка, о которую она вытирала руки.

– С каких это пор ты с халумари связалась? – недовольно пробасила бабища, брезгливо скосив на меня глаза, словно на элитную проститутку.

Халумари... Это они нас так называют. Дословно переводится как «полупризрак», то есть наполовину выходец из мира духов. Не боятся, но и не сильно любят. Скорее, не понимают.

– Деньги, мама. Деньги виноваты.

Я удивлённо вскинул бровь. Оказывается, это её мать.

– Заходи уж, – ласково произнесла она, а потом повысила голос, стоило мне ступить на порог: – Ноги, хмани!

Ещё одно обзывательство, но не такое обидное, как ульцеро. Что-то вроде недотёпы. Пришлось вытереть ботинки о приколоченную к дощатой рамке циновку из прутьев – аналог коврика у двери.

– Надолго, Катри? – продолжила расспрос мать наёмницы, подойдя к одному из столиков.

– Пойдём, соберу вещи в поход и выдвинусь.

– На ночь глядя?

– Переночуем на Карчиках, зато Гнилой Березняк минуем по полудню.

– Ну, смотри-и-и, – скривившись, протянула мать, мол, «тебе видней, но всё равно это глупо».

Я положил у стены спальник и торбу, а потом сел на лавку у двери, согнав с неё рыжую ласку, заменявшую местным кошку, и начал разглядывать помещение. Глаза совершали зигзагообразные движения, встроенный в голову гель-процессор считывал изображение со зрительных нервов, создавая панораму и сохраняя для будущих исследований. Это стандартная процедура для прогрессора, который оказался в новом месте, и при этом само место может иметь некий интерес для культурологов. В заключение внимательно оглядел мать наёмницы, внося её биометрические данные в базу.

– Что будешь? – спросила бабища у Катарины, подходя к полкам с горшками и свёртками, занавешенными серыми холстинами.

А с потолка свисали многочисленные связки сушёных корней, грибов и рыбы, создавая непередаваемый аромат.

– Мясо есть?

– Угу. А этому? – спросила мать, не догадываясь, что немного позже она попадёт в социальный макет города.

– Я хочу омлет с ветчиной, – совсем не в вежливой форме произнёс я, заставив наёмницу сжать губы и потереть переносицу.

Ей было стыдно за такую компанию, но ничего не поделаешь, контракт заключён, аванс выдан, а впереди ждёт основная плата – может, тканями, может, кованым железом, а может, и серебром. Что сама выберет.

Бабища с усмешкой поглядела в мою сторону и цокнула языком.

– Какой дерзкий красавчик! – усмехнулась она. – Дело точно в деньгах?

– Матрэ! – резко выкрикнула Катарина и зло уставилась на мать.

– Ай, глазки как льдинки! Жаль, что халумари.

Я усмехнулся, а бабища указала мне на стол, который по обычаю находился в западном углу. Тут уж пришлось соблюдать приличия и занять гостевое место, сняв с головы берет. На хозяйское могла сесть без разрешения только лордесса или жрица одной из первых богинь. Ну или совсем уж дорогая гостья, но я к этим категориям не относился.

Готовясь к долгожданному обеду, достал из внутреннего кармана свёрток с медными вилкой и ложкой и нож, висевший в ножнах на поясе. Он небольшой и годился только как кухонный, так как местных дев им можно разве что поцарапать и разозлить.

Да, экзотика! Но я уже привык к ней за прошедший месяц и теперь скучал по нормальной еде, нормальной кухне с микроволновкой, нормальной ванне и телевизоре. По плану через шесть лет мы должны представить первые радиовещатели, развешанные на столбах. О телевизорах рано говорить. Сейчас нужнее всего печатные книги. Без них ничего не получится. Огромные деньги выделены на примитивные типографии со свинцовыми буквами, где станут набираться учебники по простейшим наукам, местные эпосы и комиксы. Да, раскрашенные вручную комиксы будут рулить этим миром.

Я вздохнул. Наш план тайного появления в этом мире рухнул в первый же день. Портал и выходящий оттуда спецназ заметили пастушки, сразу побежав в

деревню с криками «Демоны! Демоны!». Благо рядом находилась цитадель местного ордена магесс, как и замок феодалки.

Магессы они были настоящие, как потом оказалось.

Испуганная лордесса послала двух рыцарш к магессам, а потом к порталу прибыла большая делегация с вилами и факелами. Вы представьте здоровенного десантника в полной экипировке, в то время как девы никогда не видели мужика выше метра шестидесяти пяти. Но договориться удалось.

Орден сразу смекнул, чего мы хотим, и выставил условия, одновременно желая получить выгоду и обезопасить себя от захвата власти. А хотели мы местные ресурсы. Тащить нефть, редкие металлы и прочие ценности порталом совершенно не выгодно, и потому нужно организовать производство здесь. А это невозможно без прогрессорства среди местных. Средневековые дуры попросту не поймут сути, начнут священный поход и будут правы. Это их мир. Их богатства.

Тут же палки в колёса вставили Штаты, намеренно тормозя прогресс бесконечными комиссиями по целесообразности той или иной вещи. Им-то хорошо. Им динозавров не надо грамоте обучать. Они их вместо метеорита добьют.

На долгих переговорах решили, что налаживать контакт с местными через перевал пройдут только мужчины. И не чудовища, а нормальные по их меркам мужички ростом не выше метра шестьдесят, ибо мужчины не имеют юридических прав и не могут претендовать на какую-либо власть. В противном случае поднимется крик до столицы, что здесь действительно чудовища и само зло. Воевать со всем миром нашим не хотелось, так как куча наблюдателей сразу обвинит нашу страну в нарушении прав человека и всевозможной агрессии. Потому пообещали, что все чудеса науки будут проходить придирчивые досмотры совета магесс и половина прибыли, если что-то пойдёт на продажу, осядет в их карманах. Впрочем, земные власти сразу же из соображений сохранности аутентичности мира запретили продавать местным что-то сложнее подшипников и шестерней.

После этого через ворота пошёл поток серебра и золота на подарки местным вельможам, дорогих по местным меркам тканей и синтетических нитей,

белоснежной бумаги, недоступных по качеству местным мастерам изделий: шестерён, цепных передач, подшипников, линз для подзорных труб и пенсне, бытовых изделий и инструмента из легированной стали, безделушек из другого мира и прочего, что было понятно местным и имело цену для купцов. Не для обогащения, а для налаживания мирных контактов.

К слову, тощих спецназовцев, попадающих под требования магистрата, не нашлось, ибо тощий и низенький спецназёр все равно отличался от местных мужичков, как волк от пуделя. И это местным рвало шаблоны, никакая маскировка помочь не могла, а комнатных ботаников не решились отправить, поэтому начался срочный поиск среди прошедших службу добродушных на лицо коротышек. Но самым главным критерием стала совместимость с гель-процессором, который стоил как истребитель и изначально был именно военной разработкой. Так я и попал, впрочем, не слишком жалея о брошенной работе. Даже упоминать о ней не буду.

Перед отправкой, помимо основ выживания в дикой природе и физической подготовки, проходил долгое обучение языку, географии и основам обычаев, но лёгкий акцент всё равно не могу скрыть – слишком чётко произносил «р» и иногда «акал», когда нужно было говорить внятное безударное «о». Но это ничего. По первости путался с падежами, которых здесь девять, а не шесть.

Вскоре, прервав мои размышления, передо мной на стол опустилась глиняная тарелка с обычной яичницей с вкраплениями мяса и кружка с водой. В воде плавали какие-то листья, которые, по идее, должны придавать аромат, но запах базилика, на него походила приправа, я на дух не переносил. Пришлось давиться.

Катарина быстро собрала походный вещмешок, приторочив к нему толстое одеяло и медный котелок. Потом она так же быстро стрескала тушёное мясо на рёбрышках с бобовой кашей, которое ей поставила на стол мать. Эта прорва съела целую кастрюлю. Я по сравнению с ней Дюймовочка. Двухлитровая кружка тоже опустела за считанные мгновения.

– Пойдём, – проронила наёмница, отряхнув ладони, встав из-за стола и подхватив ношу, весившую около полуцентнера. – Матрэ, мы пошли!

Правда, в оригинале на местном языке это звучало: «Мама, я и вот это пошла».

Что поделаешь, мир такой. Но мы же прогрессоры. Мы это исправим. Не сразу, конечно, но лет через сто-двести – точно. Вон, на земле до сих пор всякие группы борются за права, а здесь – глухомань средневековая.

– А что, сладкого не будет? – ехидно спросил я, сразу ощутив на себе насмешливый взгляд матрэ.

По ходу, я приглянулся этой бабище. Переживу: не жениться же. А Катарина застыла на пороге, шумно вздохнула, но смолчала. Она не знала, что слова о сладком не пустые, ибо процессор получал энергию от каталитического окисления углеводов, поэтому сладкого употреблять приходилось очень много, если оно на халяву, так вообще замечательно.

И вот доблестный рыцарь и эльфийка, то есть хмурая наёмница и я снова оказались на тесной улице. После в принципе неплохого обеда вонь города ударила в нос. Меня чуть не стошнило. Но ничего, это мы тоже исправим – лет через сорок.

Город был небольшой, всего на пять тысяч народу, и буквально через десять минут мы уже оказались за воротами. Я сунул руку во внутренний карман, нащупав помимо предназначенной моим коллегам чугунной флешки пистолет скрытого ношения. Того количества патронов, что у меня имелось, для захвата мира или свержения королев мало, но на самый крайний случай сгодится. Жаль, атмосферные помехи, присущие этому миру, не дают передавать данные дальше прямой видимости. Так бы топать никуда не пришлось.

Жест не укрылся от пристальных глаз наёмницы. Наверняка потом придётся рассказать, что и как.

Идти далеко, но до меня курьер регулярно ходил этим маршрутом – и ничего, жив-здоров был. Один раз даже сам ходил, без сопровождения, покуда северная гиена не покусала. А чем я хуже? Тем более со мной такая большая и хмурая красавица. Её я тоже прогрессу предавать буду.

– Катри! – окликнула у ворот мою спутницу снаряжённая в кирасу и шлем-шапелъ стражница с алебардой, ещё раз убедив, что она здесь своя. – Ты куда?!

– Ланна, привет! Недалёко, – отмахнулась наёмница и несильно стукнула кулаком по плечу любопытной здоровячки на полголовы выше Катарины, но такой рост совсем уж редкость.

Однако то, что наёмница не стала раскрывать цели путешествия, о многом говорило. Она не доверяла.

– Не задерживайся.

– Яси, – буркнула Катарина местный аналог слова «окей» и вышла, потянув меня за собой.

И перед нами оказалась вытоптанная дорога, голубое небо с двумя солнцами – большим белым и махоньким красным, поле и неделя странствий.

Но ничего, я же прогрессор. Герой, мать вашу! Ну и что с того, что первый раз так далеко ухожу от базы? Не всё же только документацию между орденом магесс, этим городишкой, замком курфюрсты и нашим лагерем переправлять.

Пора и в дальнее плавание.

– Яси, – произнёс я, глубоко вдохнул и вспомнил девиз Гагарина, озвучив его по-русски: – Поехали!

Глава 3

Пыль чужих дорог

Мы шли по пыльной дороге, петляющей между берёзовыми колками и огибающей заросли ивняка. Дорога, словно змея, ползла вдоль небольшой речушки, прогрызшей в каменистой почве овраг глубиной в человеческий рост. Края оврага щерились галькой и покатыми булыжниками, а сама вода пряталась в густом кустарнике, из которого доносилось звонкое пение птичек-невеличек. По краям дороги зеленело разнотравье, ещё не высохшее от летнего жара двух солнц – яркой белой Шаны и едва заметного в её свете и красного, как уголёк в

камине, Сола. Две звезды вращались в тесном танце, именуясь не иначе как гордая богиня света и её верный любящий муж и знаменующий многовековой порядок вещей этого мира.

Если же глядеть с точки зрения астрономии, то Сол был не намного тяжелее нашего Юпитера, но вращался на орбите, меньшей, чем наш Меркурий, за сорок девять дней. Ну и, конечно, весь календарь местных жителей был привязан к этим циклам.

Терия – планета, по пыльной дороге которой я шёл, пытаюсь не отстать от высокой наёмницы, и которую в обиходе называли Реверс, имела почти те же свойства, что и родная Земля, разве что год длиннее на шесть дней, а сутки короче на полтора часа. Последнее сильно выбивало из колеи.

Я шёл, сшибая длинной палкой верхушки каких-то трав, похожих на укроп. Поля с пшеницей и льном ещё не кончились, и оттого нам часто попадались возы, гружённые мешками, коробами и прочим имуществом. На них сидели здоровенные крестьянки, управляющие неспешными бычками местной породы, используемыми и для молока, и для мяса, и для шкур, и как тягачи. Удивительно, но верховой езды здесь не изобрели. А колесо – да.

– Катарина, – позвал я спутницу, когда нас миновал очередной воз, – а вот что ты будешь делать, если на нас волки нападут?

Наёмница весь день шла молча, и мне это надоело. Я уже и песни спел, какие помнил, несмотря на полное отсутствие певческого таланта, и кусок жёсткого вяленого мяса погрыз, благо один такой полдня можно мусолить, и даже сшибать травинки устал.

– Волки в наших краях мелкие, не то что на севере. Не нападут, – ответила боевая девица.

– А гиены или львы? – с лёгкой издёвкой продолжил я допрос.

И так знал, что в этих широтах водится много зимостойких аналогов наших африканских зверей. Гиены, львы, мохнатые носороги, короткошерстные мамонты, меховые зебры и даже жирафы. Чуть южнее в болотах наравне с кабанами жили небольшие, но суровые бегемоты, а мелких крокодильчиков

даже здесь, в речке, можно при желании найти. Климат не тропический, но куда мягче, чем в средних широтах. Перепады температур между зимой и летом незначительные. Снег – большая редкость. Хотя засухи и здесь случаются.

– А ты смотри по обе стороны, и не нападут.

– А драконы? – с усмешкой спросил я.

– Они у нас не водятся. В Карских предгорьях – да, но небольшие. Человека не утащат.

Я шмыгнул носом. Да, драконы здесь действительно были. Причём очень много разновидностей. И все колдовские твари. У нас, будучи переправленными, мгновенно умирали, лишаясь поддержки своего мира.

– Скучно-о-о. Расскажи что-нибудь.

– Я не мужчина, чтоб трындеть без дела, – недовольно ответила Катарина, а потом продолжила: – Ты спой ещё.

– Что именно?

Пел я на русском, и слов она, само собой, не понимала, но раз просит – всегда пожалуйста.

– Ну, там было «цельма валюминатре, цельма валюминатре вина», – коверкая незнакомые слова, произнесла девушка.

Я усмехнулся и насколько мог затянул бессмертную песню о космонавтах. Да, космос мы не покорили, зато ринулись в параллельные миры благодаря сверхмалому кольцевому коллайдеру сверхвысоких энергий. Его сразу окрестил звёздными вратами.

Песня, слегка фальшивая и даже очень непрофессиональная, разлилась над очередным полем, заставив больших бабищ-крестьянок выпрямиться и поглядеть нам вслед.

– Подойдёт ближе – встань у обочины и поклонись, – произнесла Катарина, пристально поглядев вдаль, где нам навстречу катилась большая повозка с запряжёнными в неё двумя белыми волами.

– Это кто?

– Землеправительница.

– А-а-а, ясно, заместительница курфюрсты. А если я не поклонюсь? – ехидно спросил я. – А если брошусь ей на шею с криком «Кормилица вы наша!»?

Катарина недоуменно посмотрела на меня и только потом процедила:

– Я слышала, что в стране фей всё наизнанку, но приличия же должны быть.

Я слегка смутился. Да, меня учили местному этикету, но ведь скучно же. Хоть эту думал поподкалывать, но она всё за чистую монету принимает, а так и до конфуза недалеко. Но вместо оправданий или колкостей перешёл к другой теме, глядя, как в поле женщина подняла длинную палку с тряпкой и с криками «Шусь! Шусь, падаль, отсюда!» начала отгонять семейку северных страусов, чьи головы на тонких шеях забавно торчали над пшеницей.

– Ты хорошо говоришь для простой наёмницы. Училась где-то?

– Училась.

– Где?

– Это так важно?

– Расскажи, пожалуйста. Мне интересно, – попросил я, вглядываясь в лицо наёмницы.

Каштановые волосы заплетены в тугую походную косу, свисающую до поясницы. Нос с небольшой горбинкой. Карие глаза под густыми бровями. Губы относительно тонкие. Немного непривычной была тяжеловатая челюсть, но это особенность местных дам, и через пару недель пребывания в этом мире

воспринимается как должное. Ну, как тёмная кожа у африканцев или раскосые глаза азиатов. А так она даже с претензией на приятность.

– Нет! – резко ответила Катарина и ускорила шаг, отчего я вздохнул и начал догонять её.

– Ну, нет так нет. А где ночевать будем? Шана-ун-Сол через час с небольшим лягут.

– Вон там, – ответила девица, указав на ближайший колок берёз.

До встречи с повозкой знатной дамы, фактически первой фрейлины местного герцогства, шли молча. Вопросом об обучении я почему-то обидел наёмницу. Но вникать и ковыряться в чужой душе не хотел.

А ещё, глядя в спину Катарины, отметил, что походка у неё не мужская. Не как у трансвестита – обычная женская, несмотря на общую грубость, что ли. А ещё интересно, инвалидом какой группы я стану, если ущипну её за задницу. Этот вопрос заставил меня улыбнуться, и чую, не раз ещё мелькнёт такая дурная мысль: попка-то хорошая.

Повозка, похожая на карету, вскоре поравнялась с нами. И остановилась.

«Рекомендуется субличность книгочей, – известил внутренний голос. – Исполнить?»

«Нет», – ответил я одними лишь губами. Так справлюсь.

Из кареты выглянула суровая дама с колючими глазами, пристально нас разглядывая. Катарина приложила кулак к левой груди и сделала небольшой поклон. Я же снял берет, сделал им витиеватую фигуру высшего шляпо-пилотажа и чёткий кивок. Быстро опустить голову, замереть на секунду и снова быстро поднять, застыв с вежливой улыбкой. Это вместо книксена, каким барышни на Земле в восемнадцатом веке при дворе промышляли. Впрочем, декольте у меня не было, это уж увольте! Зато в дополнение к куртке штаны-бриджи горчичного цвета до колен, подхваченные под ними красными шнурками, и чулки, тоже до колен, полосатые, как у ведьмы с картинки про

Хэллоуин. На плечах – серый походный плащ до пояса с пришитым к нему капюшоном и серебряной застёжкой, приколотой чуть ниже правой ключицы. В общем, я выглядел если не как клоун, то как паж из сказки про Золушку точно. Ну или как Лютик из книги про ведьмака.

Ах да, гультфик. По местной моде мне полагался сей чудный элемент гардероба. Причём он был сменный. Размеры и цвет строго регламентировались. Для меня как незнатного роду, но и не черни, а скорее – мастерского высшего гильдии, на официальных приёмах полагался чёрный бархатный, слегка набитый опилками.

На балах – сочного цвета и непременно из дорогой ткани, но без золотого шитья. И не приведи Создательница этого мира, больше размером, чем у супруга хозяйки бала! Обид будет море, чуть ли не политический скандал. Нас специально по этому поводу инструктировали, хотя мы ржали на лекции, как кони. А наш культуровед, месье голубых кровей Анри, долго и самозабвенно рассказывал о средневековом дресс-коде, взывая к серьёзности.

В повседневной жизни использовался каких-нибудь неярких цветов. Я носил в цвет штанов, лишь слегка набив его мягкой паклей. Помню, когда первый раз оделся по-местному и вышел в город, ходил пунцовый от стыда. Потом привык, решив считать себя эдаким косплеером на барда, тем более что здесь все так ходят, даже крестьянчики, появиться без гультфика столь же не айс, как у нас девушке без лифчика.

Сейчас я над этой темой откровенно угораю. Пардон, вежливые люди говорят: «Забавляюсь».

В общем, заместительница герцогини смерила меня взглядом, особенно остановившись на гультфике и по традиции – на голубых глазах.

С облучков спрыгнули две широкоплечие стражницы. А в глубине кареты мелькнули два придворных паренька, смазливых на мордаху. Землеправительница явно охоча до молодых мальчиков.

– Кто такие? – протянула мадам, переведя взгляд Катарину.

Её она удостоила лишь лёгкой улыбкой в знак того, что ответила на приветствие.

– Вольные путники, моя госпожа, – ответила наёмница, выпрямившись и встав по стойке «смирно».

А мадам было, скорее всего, скучно. Вот и решила дое... в общем, вести расспрос.

– Откуда и куда?

– Я получила заказ сопроводить господина Юрия к морю.

– Он халумари? Как интересно! И что же за дела у полупризраков на море?

– Море тянет, госпожа, – витиевато по этикету начал я ответ. – Дома долг служения не позволяет насладиться большой водой. Здесь же вольность есть и есть время.

– Я слышала, вы ничего не делаете просто так, – с лёгким сарказмом протянула мадам. – Я думаю, и сейчас ты идёшь не просто для отдыха.

– Ваша пронцательность поражает, госпожа, – поклонился я и улыбнулся. – Есть доверенность моей повелительницы посетить братьев, что торговлю ведут, и справиться о здравии, о нужде.

Ещё одно правило: всегда ссылайся на повелительницу, это придаёт вес в глазах местного общества. Хотя товарищ генерал аж на псих исходит, когда те, кто имеет внешний допуск, называют его на совещаниях повелительницей. А в ответ – мол, поддерживаем навыки. Забавные у нас совещания, мы в пажеских костюмах и рядом – спецназ в камуфляже. Рядом с генералом его заместительница по связям с местными – высоченная фотомодель, специально взятая на эту роль. Она же участвует в официальных приёмах.

– Шпион, значит, – усмехнулась мадам.

– Придворный служитель, госпожа, – нарочито смущённо ответил я и опустил глаза.

Землеправительница сделала небрежный жест, и одна из стражниц шагнула вперёд.

– Подорожные грамоты, – хрипло произнесла она, вытянув руку.

И Катарина, и я одновременно достали из-за пазух небольшие свитки. Тут лучше не паясничать. Чуть не так – и потроха потом собирай по всей дороге. А прибить их – точно политический скандал.

Стражница грубо подхватила документы и протянула фрейлине. А та раскрыла и мельком прочитала. Но там всё нормально: грамоты официальные, и печати настоящие.

– Юрий да Натали?я, – произнесла мадам.

С именем всё понятно. А что касается «да Наталия», то здесь не по отчеству величают, а по материнству. Вот и вписали имя мамы в грамоту.

– Катарина да Мария да Шана-ун? – переспросила фрейлина.

Я и сам удивился. Ведь моя спутница не из простых. Она, оказывается, кандидатка в самые настоящие местные паладины – несостоявшаяся, но имеет право на повторную аттестацию. Об этом говорит суффикс «ун»

– Да, – коротко ответила наёмница.

Мадам задумчиво вздохнула.

– Юрий, личная просьба. Если что-то интересное увидите, сообщите. Мы же в мире с вашей повелительницей.

– Непременно, госпожа.

– Дай, – обратилась она к кому-то, и на её ладонь лёг небольшой мешочек, который она снисходительно протянула мне.

– Вы так добры, госпожа! – поклонился я и принял подарок вместе с нашими грамотами.

Занавеска на окошке задёрнулась, карета тронулась. Стражницы на ходу заскочили на эту неспешную повозку, продолжая нас разглядывать. А я дождался, когда отъедут на значительное расстояние, и расстегнул мешочек. Там оказался десяток серебряных монет. Что на них можно купить? Ну, месяц не шикарно, но и неплохо питаться в трактирах. Это вместе со съёмом комнаты на двоих. Купить новую куртку или новые ботинки. Не дешманские лапти, но и не для знати. Да, бедняки здесь ходят в лаптях, как у нас крепостные при царе, но вяжут не только из бересты, но и из прочного озёрного тростника. А ещё можно купить на эту сумму хороший нож.

В общем, меня явно самого купили, и придётся писать рапорт о данном происшествии. А деньги я однозначно потрачу по пути – зря, что ли, гульфик поправлял и глазки строил?

Правда, из этого числа я достал четыре монеты и протянул Катарине. Нехорошо жадничать.

– Держи.

Девушка поджала губы, решая, взять или нет, но потом что-то буркнула в знак благодарности и приняла.

– Надо готовиться ко сну, – произнесла наёмница и свернула с дороги, я последовал за ней.

Разместились мы на окраине рощи, так что над головами шумела листва и пели вечерние птицы. Дрова пришлось поискать, так как дорога не пустует и до самой мелкой щепки всё уже собрано. Вот и сейчас, в надвигающемся вечернем мраке, который никогда не разгоняет свет луны по причине полного отсутствия таковой, вдали угадывался чужой костёр. Наверное, эти места популярны у туристов и прохожих для ночлега.

Катарина достала огниво и сноровисто развела огонь, кинув туда большой пучок соломы, а когда та сгорела, осторожно, чтоб не погасить разгорающийся костёр, подгробла к себе горсть золы и прошла по широкому кругу, рассыпая пепел

щепотью, словно пельмени солила.

– Можно узнать, зачем это? – не удержался я от вопроса, глядя, как круг замкнулся, а наёмница села на колени спиной к огню и достала из небольшого мешочка несколько костяных фигурок, каждая размером со спичечный коробок.

Крохотные статуэтки она установила на небольшой деревянный постамент в форме лавочки габаритами с блокнот – видать, миниатюрный алтарь. Катарина протянула к фигуркам руки, сложив ладони так, словно подставляла их под рукомойник, и прошептала несколько слов.

– Вечерняя молитва, оберегающая сон, – произнесла девушка и потянулась к сумке, достала лепёшку, мясо и флягу с некрепким вином.

Костёр к этому времени уже разгорелся, и искры, вырывающиеся из потрескивающего пламени, уносились вверх, к звёздам. Я сделал то же, но достал не простую еду, а плоские консервы из сухого пайка. Стоило их слегка проткнуть сверху, чтоб не вспучились во время разогрева, и положить в костёр, как к запаху дыма и трав прибавился аромат гречневой каши. Катарина застыла ненадолго, глядя на мой ужин.

– Юрий, расскажи о стране фей.

Я улыбнулся, откинулся назад, подложив руки под голову, и поглядел в небо.

– Города. Они даже ночью утопают во множестве огней. В каждом доме, на каждом придорожном столбе, на каждой повозке горит яркий-яркий фонарь. И их очень много.

– А как вы тогда спите при свете? – спросила девушка, поглядев на костёр. Пламя отражалось в её глазах, отчего казалось, что они сами обладают крохотными внутренними искорками. – Слишком светло же.

– Привыкли. К тому же фонарь не солнце – можно и погасить. А ещё на небе ночью луна.

– Люна?

– Ну, у вас на небе Шана и Сол, а у нас Солнце и Луна. Только ваши светила всегда вместе, а наши порознь: Солнце – днём, Луна – ночью.

– У вас даже ночи нет?

– Что ты, луна не такая яркая, как Шана! Но дорогу можно различить.

Катарина замолчала, а я сел и поддел веткой скворчащие и шипящие консервы. У меня есть много сказок для моей спутницы. Всё и не успеть, но самые красивые обязательно расскажу. А как доберёмся до места, включу у типографщиков ноут и фотки покажу.

– Пойду отолю, не смотри, – произнёс я, вставая с места и направившись к кустам.

Совсем не хотелось в темноту уходить, вдруг на змею наступлю, не увидев. Там я изготовился к действию, но, когда Катарина подбросила веток в костёр и круг света на мгновение стал шире, выругался от души.

– Твою мать! Это что за хрень такая?!

Передо мной в двух шагах стоял скелет, покрытый какой-то слизью. Он судорожно разевал рот и протягивал руку в мою сторону, но при этом не доставал до меня. Вся вечерняя романтика испарилась, и возникло желание расстрелять это. Но мысли о пистолете пришли как-то не сразу. Сперва я подумал, что прямо сейчас сделаю то, ради чего пошёл к кустам, прямо в штаны. Но нет, помимо похолодевшей спины ничего не случилось. Все обошлось.

– Катарина, что там за хрень такая?! – Я быстро подскочил к наёмнице, на бегу поправляя штаны. – Что это за тварь?

– Гаул, – спокойно ответила она, – дух ночных терзаний. Не бойся, он не пройдёт через круг.

– И что, он так и будет там стоять?

– Да.

– И ты, на хрен, будешь спать как ни в чём не бывало?!

– Да, – спокойно ответила наёмница, широко зевнув. – Главное – чтоб огонь не погас.

Я поглядел на девушку, которая поудобнее укуталась в одеяло и легла на бок, потом зыркнул на скелет, а затем подвинулся к костру, положив поближе охапку хвороста.

– Ага, – пробормотал я по-русски, – сказки ей собрался в уши всовывать! Тут у них свои байки из склепа бегают. Твою ж мать, называется!

«Система, почему не было оповещения о посторонних объектах?»

«Объект не фиксировался до визуального контакта».

«Система, оценка опасности».

«Нет данных», – сухо ответил гель-процессор.

Пальцы сами собой подхватили ветку и швырнули на угли. Чую, ночь здорово пройдёт...

Глава 4

Кровь чужих дорог

– Первый постулат прогрессорства, – бормотал я, сидя у костра и поглядывая на поблескивающий в свете пламени скелет. – «Благими намерениями вымощена дорога в ад». Нельзя давать менее технологически развитому народу сразу все блага. Если начинать развивать медицину, то при отсутствии культуры контроля рождаемости начнётся взрывной рост численности населения. Это приведёт к голоду, войнам, нацеленным на геноцид, и ещё большему откату цивилизации назад. Откат вызовет падение имеющихся знаний медицины и ещё сильнее

усугубит регресс.

– Богам молишься? – спросила Катарина, поправляя шерстяное одеяло.

Я бормотал по-русски, и, естественно, она не понимала ни слова.

– Да, – ответил я, не имея никакого желания пояснять реальное положение дел.

– Какому?

– Святым братьям Стругасис, – буркнул, кинув в костёр веточку.

К небу взлетел сноп искр, а подскочившее пламя ещё чётче высветило костлявую фигуру, клацающую зубами и тянущую руку. Но стоило кисти пересечь незримую линию, и дух отдёргивал её и скрючивал пальцы, словно обжигаясь.

Присказка про братьев была излюбленной у прогрессоров, ибо эти писатели-фантасты предвидели ситуацию с агентами влияния в других мирах. Впору их на самом деле делать святыми.

Наёмница вздохнула и закрыла глаза. Её совершенно не беспокоил неупокоенный дух. Наверное, и мне не стоило переживать, но привычки терпеть присутствие потусторонних не имел, уж извиняйте.

– Второй постулат прогрессорства: «Не давайте голодному рыбу, не давайте ему удочку, сделайте на его глазах инструмент и примените его». Раздача технологий и высокотехнологичных орудий на халяву приводит к эффекту «святого карго», когда дикие народы вместо развития начинают молиться вертолёту с гуманитарной помощью и не хотят ничего делать сами. А если лишить их даваемого блага, воспринимают это как оскорбление и личную обиду. «Вы должны нам!» – будут кричать они. Единственное исключение – это плата за что-то нужное: за товар, за услугу. И даже тогда технология изготовления не должна давать им явные преимущества над другими народами.

– Хватит молиться, – широко зевнув, протянула Катарина. – Спать пора. Завтра долгий путь. И боги уже спят и не слышат молитв.

Я промолчал, кинув ещё одну веточку на угли. Было полное ощущение, что я не в своей тарелке. Сперва путешествие казалось лёгкой прогулкой, но сейчас я видел нежить. Сложно назвать это нестрессовой ситуацией, несмотря на подготовку.

– Третий постулат прогрессорства: «Трудно быть богом. Поэтому даже не старайся. Всё то, что кажется тебе диким и отвратительным – сугубо их выбор. Чти и свои традиции, и чужие, пока они не коснулись именно тебя».

Глянув сперва на глубокое чёрное небо, а потом на закутавшуюся в серое шерстяное одеяло наёмницу, потёр лицо и встал. А чем я хуже? Эта не дрыхнет без забот, и мне не стоит.

С такими мыслями я достал из сумки зубную щётку, полукруглую коробочку зубного порошка и флягу с водой и отошёл к кустам. Я – прогрессор и должен служить примером, а порошок нам рекомендовали как самое наглядное средство пропаганды. И ещё рассказали, как его приготовить, чтобы мы всем могли поведать. Конечно, моя пятая точка, обращённая к клацающему челюстями мертвяку, делала вечернюю зарядку в виде сильного жим-жим при каждом шорохе, а мурашки устраивали забеги вдоль спины, но я старался не думать об этом. Наоборот, я же супер-пупер нагибатор, отважившийся пуститься в путешествие по чужой планете в компании боевой баскетболистки. Весь мир будет моим.

А воительница глядела на меня с лёгким прищуром, медленно моргая. Лицо не выражало совершенно ничего – хоть прямо сейчас кино про женскую версию терминатора снимай! Даже глаза в свете костра горят красными огоньками. Интересно, что у неё на уме? Уж явно не куклы и плюшевые мишки. Наверное, считала, сколько денег отвалят за эту прогулку.

Окончательно уверившись в том, что нежить так и будет ходить вдоль невидимого круга, я показал скелету средний палец и достал из сумки бритвенный станок с остальными прибрлудами, то есть мылом и помазком для бритья. На этот раз наёмница нахмурилась, вглядываясь, как я взбил в мыльнице пену и начал наносить на подбородок. Бриться без горячей воды – то ещё удовольствие, но больше этого я ненавидал скрестись сонным с утра. Лучше уж с вечера морду почищу на ощупь.

– Это зачем? – тихо спросила Катарина, приподнявшись на локте.

– Ну как зачем? – пожал я плечами. – Если не сделаю этот ритуал, то скоро превращусь в обезьяну.

– Ты... оборотень? – неуверенно спросила наёмница и провела тыльной стороной ладони под носом.

Она то морщилась, представая меня чудовищем типа Кинг Конга, то криво улыбалась непонятной шутке. Но это вполне естественно, так как местные мужчины имели очень скудный волосяной покров на теле и лице. Три тычинки на морде – уже старческая борода, и ту выдёргивали под ноль. А моя тёмно-русская щетина, которая от природы растёт в виде эспаньолки, будет здесь дикостью. Хорошо, хоть не лезет по сантиметру в день, как у джигитов.

– Ну, если только самую малость, – ухмыльнулся я. – Потом покажу.

Девушка снова неуверенно расплылась в улыбке, а потом вдруг просияла.

– В легендах что-то такое говорится, что старики народа полупризраков не умирают от старости, а превращаются в седых обезьян-марьши, проводя остаток вечности в горячих источниках.

Я пожал плечами, но поставил себе зарубку в памяти, так как такую легенду раньше не слышал.

Наёмница тяжело вздохнула и повернулась на другой бок, повыше натянув одеяло. Поглядев на неугомонного мертвеца, я тоже лёг на циновку и укрылся шерстяным одеялом в клеточку. Уснуть долго не удавалось, так как отвык спать на свежем воздухе. То одинокий комар делал заходы на дозаправку, видя во мне исключительно место для бурения кровяной скважины, то лёгкий ветер начинал дуть в другую сторону, отчего дым от костра заставлял кашлять и утирать сопли и слёзы, то какая-то мелкая ползучая гадость забиралась под одежду, думая, что я – футбольное поле. От таких «матчей» я чесался и ворочался, но когда наступил тайм-аут, всё же вырубился.

Снилась откровенная гадость, что этот мертвец всё же пробрался, но не напал, а встал на четвереньки и трогал моё лицо пальцами, проверяя, оборотень я или нет. Потом снилось что-то про бесконечную дорогу, по которой я шёл лет десять, но постоянно возвращался к этой поляне, и был при этом один. Сон резко, как это обычно бывает, сменился другим. Трактор, шум и здоровенная бабища-рудокопша с бешеным лицом отламывает от табуретки ножку и громко кричит: «А сейчас у нас будет секс!»

Последнего я не выдержал и проснулся. А проснувшись, резко сел, ибо наёмницы не было. Она собрала все свои вещи и ушла, пока я дрых, как последний осёл. Даже следов не оставила.

– Тварь, – тихо выругался и встал, натягивая яркую куртку, из-за которой инструкторы называли тех, кто с внешним доступом, волнистыми попугайчиками.

Маленькие, мимимишные и цветные. Но сейчас было не смешно. Впрочем, плюс имелся, так как небо в ожидании рассвета стало серым, а округа хорошо просматривалась. Да и скелет куда-то ушёл.

Костёр совсем погас, и чтобы согреть паёк и вскипятить воду, я наклонился к серому пеплу, где тлели тусклые угольки. Поковырявшись веточкой и кинув немного сухой соломы, положил рядом тонкие хворостинки и наклонился, чтоб раздуть аккуратно огонь. Если кинуть толстые ветки, то можно только хуже сделать.

– Вот же тварь! – зло процедил я. – Забрала задаток и свалила на хрен. Хорошо, хоть не обокрала.

С этими словами я хлопнул по карману. Да, кошелек на месте. Но без провожатой придётся возвращаться на базу, так как по инструкции не положено идти одному. А пока найдут новую, столько времени будет упущено. Может, вообще другому задачу доверят, и тогда моё приключение кончится, едва начавшись. Тоже мне, нагибатор и покоритель дорог!

За спиной раздались шаги, и я, обрадованный, обернулся – как оказалось, зря, ибо ко мне приближалась три бабенции откровенно уголовной наружности. Назвать их барышнями язык не поворачивался. Вот Катарину можно назвать

сударыней, несмотря на габариты и профессию, а этих – нет. Ну не тянут эти на выпускниц института благородных девиц! Не тянут!

«Биометрические данные отсутствуют», – известила меня система, но я и так уже догадывался.

– Утра свет, красавчик, – ехидно произнесла ближайшая, не сильно высокая, но широкоплечая, как штангистка, и с небольшим брюшком.

Лицо изрезано шрамами. Нос сломан, а одного уха не было. Из одежды – грязный стёганый жилет, надетый поверх серой, подпоясанной разноцветным поясом рубахи до колен, и хорошие полусапоги без шнуровки, явно доставшиеся не на ярмарке, ибо не по карману. Она остановилась и упёрлась кулаком левой руки в бок, а во второй держала грубый тесак, выкованный из дерьмового железа. Вместо обычной рукояти – загнутый в виде ручки концевик, как у обычной кочерги. От этого на руке холщовая рукавица, иначе можно мозоли в секунду занять. Хотя на таких руках мозолью больше, мозолью меньше – всё равно незаметно.

За ней подошла другая – двухметровая каланча с побитой рожей, радостно скалящаяся щербатой улыбкой и без трёх зубов. Третьей была пухлянка с почти приятным лицом, ибо без глаза.

Эти две тоже одеты в подпоясанные рубахи, разве что обувь попроще – тряпичные чешки с кожаной подошвой на босу ногу. В руках у одной дубинка, а у другой – корявый топорик.

«Вероятность летального исхода нулевая. Рекомендуется принять выжидающую стратегию», – прошептала система. Что ж, доверимся.

– Флыфь, как думаефь, фколько жа такого Бу?рлая отвалит? – прошепелявила беззубая каланча, довольно гыгыкнув.

– С триста серебряных, дюжина мне в зубы, – сипло ответила коренастая предводительница, обозначив, что я стою, как хороший тягловый вол или три дойные коровы.

– Я видела, как советница ему кошелёк дала, – произнесла одноглазая, отчего мне очень сильно захотелось выбить ей второй глаз, чтоб неповадно было. – И он с охраной был.

– Нет охраны, – ухмыльнулась предводительница этих зэчек. – А если что не по месту, то Руть свистнет.

– Сей же миг кошелёк будет отдан, – осторожно произнёс я и потянулся к карману с пистолетом, но предводительница сделала шаг поближе и приставила острие тесака к моей шее.

– Я знаю ваши халумарские фокусы. И не надо быстрых движений. Длинная, ощупай его. Всё незнакомое в сторону, – произнесла она, кивнув каланче, а потом по-дружески мне подмигнула. – Я ведь права?

Я стоял и глядел перед собой, а длинная подошла вплотную и ухватила за мой гульфик, блеснув глазками. То, что я деньги храню не там, её ни капельки не огорчило. Задержавшись на пару мгновений, разбойница начала хлопать по моей куртке и, естественно, нахлопала и кошелёк, и пистолет, и чугунную флешку.

«Система, переход в режим берсерка!» – мысленно отдал я приказ.

«Переход противопоказан. Ошибка восемнадцать. Вы в фазе быстрого сна».

«Переходи, мать твою! Это не сон!»

«Требуется калибровка. Переход невозможен».

Я мысленно выругался: система сбоит. Неверная рекомендация лишила меня шанса на превентивный удар, а теперь и отказ перехода в боевой режим. Без озверения я с этими дамочками не справлюсь. Придётся ждать.

– Ты опять за своё? – ухмыльнувшись, произнесла предводительница.

– Не бойся, не попорцю товарль, – прошепелявила высокая, достав мешочек с серебром. – Тут прилицно будет.

– Ясно, как небесная пара, – улыбнулась разбойница, а потом не оборачиваясь закричала: – Руть, ты че не на пригляде?! Руть?!

Улыбка почти мгновенно исчезла с её лица, и сама она развернулась. Ощупывавшая меня каланча загоразивала весь вид, и только сейчас я смог увидеть, что из-за кустов вышла Катарина. Наёмница неспешно и даже беззаботно приближалась к нам. При этом фальшион висел в ножнах на поясе, а руки заложены за спину.

– Это охранница, – бросила толстая, на что главарка что-то прорычала сиплым голосом, а потом обратилась к Катарине. При этом клинок тесака сильнее надавил на моё горло. Надо признать, заточка у него была хорошая – не бритва, но лишний раз дёрнуть кадыком я не рискнул бы, хотя и сглотнул разок нервно. – Слышь, тупица, ты... это... без лишних движений. Нас четверо – ты одна. У нас лучница есть.

Катарина не изменилась в лице, изображая классический покер фейс и продолжая приближаться.

– Ты че, не поняла, жопоглавая?

Наёмница сделала ещё шаг и достала руки из-за спины. Сразу стало ясно, чем с ней действительно рассчитались за заказ. В ладонях у неё были два кремнёвых пистолета, одинаковых, как близнецы. Не местные пародии на оружие, использующие колесцовый замок, а то и вовсе фитиль, а наши наградные поделки – воронёные стволы с лазерной гравировкой, эргономичные деревянные рукояти с рифлёными хромированными яблоками на навершиях, обмотанные сейчас для чего-то поверх лакированного дерева изрядным слоем самодельной кожаной шнуровкой. В общем, оружие времён позднего Средневековья, выполненное по нашим технологиям. И Катарина без всяких слов его применила. Щёлкнули, высекая искры, курки. Коротко пшикнул на затравочных полочках порох, и с едва заметной паузой прогремели два выстрела, изрыгнув облака сизого вонючего дыма и заставив высокую и толстую с криком упасть на траву. Осталась главарка, которая убрала тесак от моей шеи, заорала и бросилась на наёмницу. Та сделала быстрое движение, крутанув пистолеты и перехватив их за стволы, а потом приняла клинок на обмотанную рукоять левого, а вторым, сделав при этом ловкий шаг по диагонали, ударила в голову, как молотком.

Разбойница качнулась и мешком рухнула к своим товаркам.

- Цел? – ровным голосом спросила Катарина, убирая пистолеты за пояс и доставая из ножен тонкий стилет.

- Да, – приложив руку к шее, ответил я, а потом поглядел на ладонь.

Нет, разбойница не порезала, а ведь показалось, что до крови.

- Ну и хорошо! – произнесла наёмница, опускаясь на колени и сноровисто вгоняя стилет в шею главарки – точняк в трахею.

Типа, контрольный в голову. Я, непривычный к такому зрелищу, несмотря на то что нас и травматологию на экскурсии водили, и много видео показывали, сглотнул подкативший к горлу ком.

- Может, не надо их... – вырвалось у меня.

- Они бы тебя продали в бордель. Был бы утешением для престарелых дур.

- Ну не убили бы же, – попытался я возразить, глядя на дёргающуюся в агонии толстую.

Пуля пробила ей печень, и сейчас у неё наступил шок от стремительной кровопотери. Несколько минут, и она умрёт. Такие раны даже у нас не всегда успешно латают.

- Тебя бы поили стоюн-травой на дешёвом вине, чтоб член не падал по несколько дней, а через месяц-другой – апоплексический удар. Может, в гареме у богатой дамы оказался бы. Тогда сидел бы в подвале на пуховых подушках, ожидая пьяную госпожу, решившую вспомнить о своей игрушке. Немногим лучше.

Я молча кивнул и подошёл к своим вещам.

- Там ещё лучница какая-то у них. Блефуют?

– Была, – пожала плечами Катарина и погладила сбитый кулак. – Они дурные: ни в дозоре постоять толком не могут, ни оружием биться. Они даже костёр прятать не умеют, готовясь к разбою. Удивительно, что их так долго никто не поймал. Наверное, никто толком и не брался, или награда за них крошечная, как яйца хомячка.

Наёмница встала, поддела ногой тесак предводительницы и скривилась.

– Три серебреника выторговать за это дерьмо, пожалуй, можно.

– Они меня за триста хотели сбыть, – пробормотал я, глядя, как девушка роется в вещах убитых, но так ничего и не найдя, подняла обруганный ею клинок.

– Глупые, как лягушки, – усмехнулась наёмница, хлопнув меня по плечу, отчего чуть рука не отнялась. Девица-то не только со стальными нервами, но и со стальными мышцами. Паладинка, мать её за ногу! И не отстану, пока не узнаю, почему она не закончила обучение. – Халумари продать просто так нельзя, и пришлось бы согласиться на самую низкую цену. Это где-то тридцать серебряных. Не стой, пойдём. Надо ещё Гнилой Березняк побыстрее миновать. Если заночуем в нём, то точно поспать не получится.

Я со вздохом поднял вещи и пошёл за девушкой, пощупав при этом своё оружие скрытого ношения. Когда-нибудь и я выплачу ей долг. Конечно, она выполнила свою работу, но выполнила очень хорошо. Просто профи, и ею нельзя не восхищаться.

– Спой что-нибудь, – произнесла наёмница, поглядев на меня, а потом направившись к кустам – наверное, за вещами.

– Что?

– Что-то ваше.

Я поглядел сперва на неподвижные трупы разбойниц, потом на Катарину, тихо позвякивающую кольчугой и экипировкой.

Я же думал: вернуться из-за неисправной системы или продолжить путь? Если чип дал сбой, то меня вернут на Землю. Ремонту он не подлежит, а оператор списывается. Слишком тонкая настройка и дорогая система, чтоб рисковать задачами. Для меня это будет означать конец всем приключениям.

Тогда не лучше ли продолжить выполнение, а о неисправности доложить по возвращении? Всё равно связи нет, так как мы вышли из зоны действия сети. Ну а сдохну? Я могу и с исправным чипом стрелу схлопотать, так что терпимо. Зато теперь надо надеяться на свою голову, а не на рекомендации. Решено: иду дальше.

Я поглядел на девушку, а потом, немного фальшивя, затянул:

- По полю танки грохотали...

Глава 5

Гнилой березняк и кровавая незадача

- Живее! - торопила меня Катарина, широко шагая.

Я же откровенно не поспевал за ней, время от времени переходя на бег. Наёмница на ходу перезаряжала пистолеты, сноровисто отсыпая навеску пороха из рога, висящего сейчас на шее. Свинцовые пули лежали в старом кожаном, испачканном серым металлом и немного пожжённом кошеле. Но доставала девушка не их, а блестящие серебром шарики, спрятанные в свисающем, как амулет на шнуре, небольшом мешочке. Ну, в общем, достала она их точняк между сисек. Была бы ниже ростом, заглянул бы в вырез, но не судьба: во-первых, я бежал за ней высунув язык, а во-вторых, у меня не было с собой табуретки.

Я совершенно не понимал, о чём беспокоится наёмница, так как шли мы мимо широкого озера, поросшего по берегам камышом и ракирой вперемешку с местным кустарником, название которого я постоянно забывал. Но листья у него были мелкие-мелкие и очень жёсткие. Над всем этим возвышались обычные

берёзы, зачастую гнилые.

Дорога делала широкую дугу вокруг этого озера. Под ногами часто попадались раскисшие участки, покрытые толстой шкурой бурой тины. После того как я пять раз спел, настроение наёмницы сильно изменилась. Она стала угрюмой и нервной.

– А что плохого в этом месте? – переводя дыхание, спросил я.

Вместо ответа девушка зло зыркнула на меня и начала быстро-быстро утрамбовывать шомполом войлочный пыж. А потом ухватила шомпол зубами и насыпала порох на затравочную полку. Щелчок подпружиненной крышки – и пистолет отправился за пояс, а его место занял другой, который ещё нужно почистить.

Глянув на пистолет, заметил, что под шнуровкой к нижней стороне рукояти, прикрывая ценное дерево от ударов, приложена изогнутая стальная пластина. Именно на неё Катарина приняла клинок разбойницы. И сдаётся мне, это излюбленный приём девушки.

– Так что не так с березняком? – не унимался я.

– Место плохое.

– Это я и так понял. А поподробнее?

– Замолчал бы, чем спрашивать! – поморщилась Катарина.

– Дура, – пробурчал я и сразу же встретился с разъярённым взглядом наёмницы, поняв, что сказал это не по-русски, а на местном языке, да ещё выбрал для этого не самое лучшее слово – не синоним нашему недоумку, а что-то вроде «тухлая голова».

Даже разбойничья фраза о жопоголовой была немного мягче.

– Хочешь не дожить до утра?! – рявкнула Катарина, показав на озеро с чахлыми берёзами. – Оставайся здесь! А я пойду.

– Я всего лишь спросил, что в них особенного! – перешёл я на крик в ответ. – Я просто не знаю! А ты ведёшь себя как бешеная собака!

Катарина сжала кулак. Не будь я «прекрасным эльфом», то есть юношей рода халумари, наверняка ударила бы, но вместо этого сплюнула на сырую дорогу, поросшую травой-муравой.

– Потом расскажу.

И мы продолжили путь. Пистолеты наёмницы заряжены, пальцы стиснуты на эфесе клинка, зубы скрипят. Я и сам время от времени дотрагивался до кобуры с потайным пистолетом. Нервное состояние девушки передалось и мне.

Озеро кончилось, уступив место болотам с теми же чахлыми берёзками и осинками. Это по правую руку, а по левую шли поросшие густым ельником холмы. И судя по обилию покрытых мхом и лишайником больших валунов явно ледникового происхождения, они тоже не лучший путь для странников – все ноги переломать можно.

Вот между ними и петляла дорога, на которой только в полдень попался большой встречный обоз. На телегах сидели лишь старики, а остальные подгоняли волов и придерживали загруженные товаром корзины, явно норовя проскочить Гнилой Березняк как можно быстрее.

Люди, занятые своими проблемами, достаивали нас мимолётными взглядами. Все хмурые и растрёпанные.

– Жрать будем? – спросил я, глянув сперва вслед обозу, а потом на болотину.

– Опять ноешь? – пробурчала Катарина, тоже посмотрев на топи.

– Между прочим, тебе заплатили за моё сопровождение. Можно хоть немного повежливее?

– Мне заплатили за твою сохранность, а не за любезности.

– Я без еды сдохну, – протянул я.

Нет, помнится, по срочке сутками без жратвы ковырялся под крышей моторно-трансмиссионного отделения танка или, обливаясь грязью и маслом, заползал под днище, чтоб на ощупь искать сопящий патрубок через долбаные лючки. Голод терпеть приучен, мог на крайняк на ходу проглотить пару галет, просто хотелось наперекор инстинкту самосохранения подразнить эту стерву. Она спасла мне жизнь, не спорю, но это не повод срывать на мне злость.

– Ну, извините, ваше высочество, – развела руками Катарина, – отбивной из оленя у меня нет. И сладкого – тоже. А если не успеем до темноты, то и не будет.

Я промолчал, в очередной раз поправив лямку походной сумки.

Тесная пара светил сперва начала припекать темя, а потом плавно приблизилась к закату. Слева вместо валунов то и дело попадались громады величиной с дом, а топь потихоньку сходила на нет.

Пару раз переходили вброд мелкие речушки с глиняным дном. Тогда приходилось снимать обувь и закатывать штанины повыше. Нелепые полосатые чулки я давно засунул в сумку: они полупарадные, и их нужно беречь.

Подумалось, что, несмотря на явную нужность торгового тракта, никто не удосужился поставить мост. Да и опасалась Катарина не засад в ельнике, а именно не успеть до заката. Мысль напрашивалась, что там, в Гнилом Березняке, действительно есть что-то нехорошее, которого боятся все.

Так и шли дальше молча, а светила быстро приближались к горизонту. Они уже порой задевали верхушки деревьев и играли тенью, словно в большие солнечные часы. В какой-то момент я заметил, что липкая оранжевая глина под ногами сменилась серой утопанной землёй, из которой росли пучки травы, берёзы перестали быть чахлыми и сбились, словно зелёные овечки, в кучерявые рощицы, а каменные глыбы уступили место пологим холмам. И, чёрт возьми, они были засеяны полями пшеницы, льна и конопли! Но у последней имелась особенность: чтобы случайно попавший в этот мир наркоша обдолбался местной травкой с весьма узнаваемыми фигурными листьями, ему придётся сожрать её столько, что корова от такого количества сдохнет от переедания, а если курить,

то проще в коптильню с ней залезть. В общем, желаемого эффекта он не получит.

Зато местные крестьяне давили из семян масло, делали из стеблей верёвки и канаты. Целая индустрия! Паруса и снасти для кораблей, мешки для товара, грубая дорожная одежда. Жмых зёрен либо к хлебу добавляли, либо домашней птице в корм.

- Гнилой Березняк, наверное, кончился, - озвучил я свои мысли.

- Ты только догадался? - ехидно спросила Катарина.

- Да откуда мне знать-то?! - возмутился я.

Блин, охота её послать подальше уже! Нервная вся!

- Ну а что ты идёшь и молчишь? Вороны голос подменили? Спел бы, что ли...

Я остановился на месте, глядя вслед наёмнице. От возмущения дар речи пропал. Хотел сказать какую-нибудь гадость, но Катарина вдруг остановилась и взмахом руки поманила меня, а сама при этом пристально глядела в сторону рощицы, мимо которой предстояло пройти. Пришлось быстро подойти.

- Что там? - прошептал я, а вскоре сам увидел медленно бредущую старуху в сером плаще.

Женщина была высохшая, как мумия, и это немного пугало. Казалось, что она и не человек вовсе, а сродни тому скелету, что бродил вокруг места нашего привала. Вполне может быть.

Наверное, так же подумала и Катарина, достав левой рукой из-за пояса пистолет, а следом вынув из ножен стилет - не фальшион, а именно кинжал. Подождав ещё немного, она легонько приложила ствол пистолета мушкой ко лбу и медленно провела его вниз, по переносице, кончику носа, губам и подбородку, с тем, чтобы быстрым финальным движением направить оружие на землю, словно воду стряхивала. Подумалось, что пуля, если пыж плохо подогнан, выскочит и улетит. Следом Катарина вытянула стилет в сторону

приближающейся старухи.

– Идемони, – различил я тихое слово наёмницы. За ним последовало другое: – Изыди.

В какое-то мгновение мне показалось, что от девушки в разные стороны разошлась тихая и мягкая ударная волна, подёрнув мир лёгкой рябью. В висках легонько кольнуло.

И больше ничего не произошло. Женщина шла, мы стояли.

Катарина протяжно выдохнула и неспешно убрала оружие.

– Вот где точно охотникам за привидениями пригодились, – пробубнил я по-русски.

Наёмница, естественно, ничего не поняла, но если судить по расслабленному лицу и длинному выдоху, то ничего опасного не предвиделось.

– А вот теперь пойдём жрать, халумари, – протянула девушка и снова быстро зашагала по дороге, заставляя меня перемежать ходьбу короткими пробежками.

Рядом с ней я чувствовал себя декоративной собачкой. Миновали берёзовый колок, потом ещё один, потом взобрались на холм.

Я бы остановился на вершине холма, чтоб насладиться видом. А вид был прекрасный – на городок размеров в пяток тысяч душ, что весьма немало по средневековым меркам, падали последние лучи закатных солнц, окрашивая черепицу и стены в сочные цвета с красноватым оттенком. Из множества труб одно- и двухэтажных домиков поднимался дым. На большом холме, расположенном посередине городка, возвышался настоящий замок. И пусть он не такой большой, как показывают в кино, но зато настоящий. Вспомнилось название населённого пункта: Заберёзье.

Хотелось выразить своё восхищение красотой отнюдь не как Пушкин, а как поручик Ржевский. То есть одни ёмким словом «Охренеть!».

Я бы остановился, но пришлось бежать за этой особой сломя голову.

В сам город вошли в тот момент, когда он уже начал погружаться в ночную тьму. Сразу чувствовалось различие между земным городом и этим. У нас даже в самой захудалой деревне освещения больше. Здесь окна торопливо прикрывались ставнями, при этом над каждым виднелось небольшое окошко. Одно блестело вставленными в него кусочками дерьмового стекла, другие красовались слюдой. В целом домики не сильно отличались от Керенборга, рядом с которым стояла наша база, но некая атмосфера инаковости присутствовала в орнаментах.

Запах на улицах был не очень, ибо не сильно, но неприятно пахло мочой, дерьмом и прокисшими помоями. Поэтому шёл я, морщась и сторонясь людей. Городок был не очень большой, и вскоре мы оказались на площади, расположенной перед самым замком. Она выполняла функцию небольшого рынка, а также имела постамент для объявлений и пустующие колодки для преступников. Так и казалось, утро начнётся с криков глашатая: «Слушайте, слушайте и не говорите, что не слышали!»

Окружённая рвом и стенами крепость всё ещё виднелась на фоне вечернего неба, ещё не ставшего угольно-чёрным. И что удивительно, деревянный мост был опущен, а кованые ворота открыты. Разве что стражница с алебардой стояла у самого моста под выкрашенным в чёрно-белую диагональную полосу постовым грибком, да в проходе горело несколько масляных ламп.

– А что они так хреново охраняются? – спросил я. – А вдруг война?

– Это западные ворота, – с кривой улыбкой произнесла Катарина. – Отсюда враг не пойдёт: Гнилой Березняк мешает. Да и не будет его никто захватывать. Эти земли, как и те, что на несколько дней пути дальше, принадлежат королеве Айрис. Городок в самой глубине королевства, чтоб дойти до Заберёзья, нужно сперва сломить Белую Твердыню и захватить Жемчужные Броды.

Я поморщился ещё сильнее, вспоминая политическую карту ближайших ста километров. И если не ошибаюсь, то на этом пяточке, сопоставимом по размерам у нас с сельским районом в каком-нибудь регионе, размещались аж три государства. Хотя Айрис держала самый жирный кусок в виде пяти городов с прилегающими к ним деревнями, но были и такие, что поставят башню чуть

больше трехэтажки, посмотрят на свои сорок домиков с крестьянами, и уже «Благородная леди».

Катарина же повела меня к постоялому двору. На площади их располагалось целых четыре, и каждый пытался выделиться на фоне остальных то красочной вывеской, то необычной резьбой на дверях и окнах, то яркими фонариками. Я шёл за наёмницей, доверяя её опыту, а та зашла в трактир с названием «Меч в ножны». Так себе имечко, если честно, но точно не хуже «Гарцующего пони» или «Адмирала Бенбоу».

Открытие двери ожидаемо сопровождалось бряцанием подвешенных на шнурах колокольчиков – как же без них! Удивился бы, если бы их не было!

– Хозяйка! – закричала с порога Катарина, остановившись на входе, да так резко, что я чуть не уткнулся носом ей в спину. К тому же она загородила весь вид, и всего помещения видно не было. – Две комнаты!

– Нет комнат! – раздалось из глубины таверны. – Вообще нет!

– Обычно же есть!

– А сейчас нету!

Катарина попятилась, и пришлось срочно ретироваться, чтобы не наступила мне на ногу.

– Это самое дешёвое заведение? – спросил я, когда мы оказались в трёх шагах от двери, а наёмница задумчиво барабанила пальцами по кошельку.

– Не самое. Но и цены не заламывают.

Она вздохнула и пошла к ещё одной таверне, выглядевшей побогаче. Наверное, уровень постояльцев здесь отличался – как говорится, уже не хостел, но ещё не пять звёзд. С улыбкой подумалось, что местные гостиницы по земным меркам не дотягивают даже до одной звезды, причём все до единой.

Опять бряцание колокольчика, и опять крик с порога:

– Комнаты есть?

Но ответа не последовало, и Катарина что-то нервно буркнула.

– А если нету? – шёпотом спросил я и привстал на цыпочки, разглядывая несколько столиков и посетителей за ними.

И вряд ли они разговаривали о своих планах на будущее: такие вещи в людном месте не обсуждают. Женщины, что-то неспешно обсуждавшие, были ярко одеты, словно венецианские купчихи. Яркие платья с подолом чуть ниже колен и пышные рукава-«фонарики» с разрезами. На спинках столов – походные широкополые шляпы с белыми перьями. Полусапожки с медными пряжками. Чулки в бело-красную полоску. Ну, в общем, дикая смесь походных мужских костюмов и средневековых дамских нарядов. Хотя я уже давно понял, что это не наши Средние века и мода здесь отличается: у женщин – в сторону практичности, а у мужчин, как, например, у невысокого официанта, бегающего между столиками в сером фартуке, – в сторону красочности и попытки выделиться. Гендерный реверс, мать его! Деловитые бабы и инфантильные мужички.

– А если нету, придётся спать на соломе в хлеву, – снисходительно отозвалась Катарина. Она всё ещё ждала ответа от хозяйки заведения и, не дождавшись, начала закипать. Наёмница подняла руку и несколько раз ударила по колокольчикам, заставляя их истерично брэнчать. – Есть комнаты?!

– Есть одна, – оторвавшись от столиков, произнёс официант.

– А где хозяйка?

– Нет её. Умерла. Теперь я хозяин, – отозвался мужчина, и Катарина сконфуженно потёрла нос.

– Тогда нам две кровати, ужин и завтрак.

– Еду в комнату или здесь?

– Здесь, – ответил я за наёмницу.

Мужчина стряхнул крошки на пол, сунул полотенце на пояс и поглядел на нас усталыми глазами.

- Кровать только одна.

Мы с Катариной одновременно переглянулись. Ну, ясен пень, что вдвоём мы на ней спать не будем, и я уже хотел предложить вариант с сеновалом, благо спальный мешок вырчит и в такой ситуации, но наёмница вдруг кивнула:

- Берём.

- Прошу за мной, - поманил нас мужичок, а потом прокричал: - Агата! Девочка моя!

Из подсобки выскочила девчушка. Сколько ей лет, сложно сказать: может, тринадцать, может, двенадцать. Но она уже ростом с меня. Наши акселераты попросту отдыхают!

- Согрей кашу. Подай к ней сыр и вино.

- Пиво, - перебила его Катарина, направившись к лестнице. - Ненавижу вино!

- Пиво дороже, госпожа, - предупредил хозяин, вежливо улыбнувшись.

Я тоже хотел закричать, что буду полторашку пивасика с сушёной рыбой, но пришлось печально вздохнуть, ибо сейчас не один на один с наёмницей и нужно строить из себя очень благовоспитанного мужчину. А самому тошно.

- Тысяча благодарностей прибует вам, - с лёгким поклоном и скромной улыбкой почти шёпотом протянул я, - если удостоите яичницей, сыром, хлебом и водой.

Хозяин трактира тоже улыбнулся в ответ.

- Конечно, любезный, - тихо произнёс он, не подав виду, что удивился моему акценту, хотя не мог его не заметить.

При этом он поглядел на Катарину, которая шумно вздохнула и покачала головой, подняв глаза к потолку, мол, клоун. Тошно-то оно тошно, но ролью я наслаждался. Зря, что ли, в нас вдалбливали местный этикет?

– Не пристало советовать, – ласково произнёс хозяин, – но не стоит злить вашу спутницу сейчас.

Я нахмурился.

– Добрый господин, верно, не заметил алый шнур на поясе у госпожи.

Я нахмурился ещё сильнее. Наверное, на одной из лекций проспал тему. Помню, поверх обычного пояса местные женщины вешали на талию пояса разных цветов, но что они значили, я не знал. Ну, шнурок и шнурок. Я даже не придал ему значения.

Пришлось ещё раз вежливо поклониться и, скромно потупив взор, пойти за хозяином и наёмницей.

Мужчина, бормоча, что дочь немного подрастёт и он передаст всё хозяйство ей, как требует Уклад, провёл нас на второй этаж и запустил в небольшую комнату, в которой имелись двуспальная кровать, сундук, два табурета, небольшой столик и масляная лампа, горящая чадящим пламенем и – хвала хозяину! – заправленная не жиром, а конопляным маслом. Мебель грубо сбитая, и хорошо, хоть простыни с одеялом без грязных разводов, отчего можно надеяться, что стиранные, иначе я бы точно спал, сидя на сундуке, боясь подцепить какую-нибудь заразу.

При этом было настолько тесно, что для полноценного передвижения по «гостиничному номеру» приходилось играть в пятнашки табуретами. Переставь сюда, тогда сможешь подойти к столу. Передвинь обратно и воспользуйся сундуком.

Катарина со знанием дела выглянула в окно, постучала по косяку, подёргала петли и закрыла ставни на задвижку. Потом легонько попинала сундук и, положив рядом сумку, достала небольшой замок. Свой собственный. Как говорится, весьма предусмотрительно. А когда мы рассчитались с хозяином и тот исчез, села на край кровати. Наёмница согнулась в три погибели и взялась

за живот.

- С тобой всё хорошо? – спросил я, разглядывая девушку.

- Тебе же трактирщик сказал всё. Неужели непонятно? – огрызнулась она.

- Нет, я не из вашего мира. Мне многое непонятно. Что случилось?

- Что тебе непонятно? – снова процедила девушка, потянув за конец алого шнура, виднеющегося под кожаным ремнём.

- Всё непонятно, – повторил я, стараясь держаться спокойно, но она уже начинала бесить.

- У меня дни крови, – почти выплюнула слова Катарина.

Я открыл рот. Сперва хотелось выругаться, но потом пришлось сдержаться, чтоб не рассмеяться. Бабы, они и на другой планете бабы, а баба-паладин с ПМС – это страшно. И об этом в ролевых онлайн-играх или кино ни разу не обмолвятся. Там только подвиги совершают.

- Что забавного увидел? – нахмурилась она.

- Ничего, – сдерживая новый приступ смеха, ответил я и начал копаться в сумке. – Вот, – выдавил на ладонь таблетку анальгина, а потом посмотрел на рослую девушку и добавил ещё одну. – Это халумарское целебное зелье.

Наёмница с сомнением поглядела на таблетки, не зная, как их употребить.

- Съешь и запей водой. Они боль снимут.

- Спасибо.

Я протёр лицо и оглядел помещение.

- Как кровать делить будем?

Глава 6

Вопрос духовно-демонический

С Катариной мы кровать не поделили.

После молчаливого ужина и умывания на улице из ведра с тёплой водой поднялись в комнату. Наёмница скинула с себя кольчугу и гамбезон, то есть многослойную стёганую льняную куртку, оставшись только в рубахе длиной чуть ниже колен, которая была под всем этим. Но если вспомнить о земных барышнях, щеголяющих в мини-юбках и топиках, можно сказать, что это вообще нательный сарафан. А ещё в угол осторожно легли щит и перевязь с ножами и пистолеты. Как оказалось, к огнестрельному оружию шёл целый комплект запасных частей и инструментов: ёршики для чистки, запасные шомпола и кремнёвый замок, ёмкости для пороха и масла, набор для отлива пуль, небольшие аптечные весы, запас свинца и несколько разномастных щёточек – в общем, целый арсенал. И сейчас девушка, подстелив под пятую точку свёрнутый в несколько раз плащ, сидела на полу и самозабвенно чистила один из пистолетов. Было видно, что ей нравилась новая игрушка, как земной женщине нравится новая розовая машинка и свежий айфончик.

Я же сидел на кровати, прислонившись к стенке и вытянув ноги. Набитый соломой матрас казался просто восхитительным после ночёвки на голой земле, но лукавить не буду: я всё же боюсь всякой гадости и потому расстелил поверх кровати туристический коврик. Ночью у костра как-то позабыл одну из своих обязанностей – составить ежедневный отчёт обо всём, что видел и слышал. И хотя система может считывать сведения со слухового и зрительного нервов, отчёт никто не отменял. В планшете или блокноте надобности не было, так как можно включить режим диктовки на гель-процессор. Останется только шевелить губами, и он сам считает нервные импульсы, идущие к голосовым связкам, губам, языку и челюсти. Удобно. Иногда.

Свет от масляной лампы был слишком тусклым, и при нём можно только глаза сломать. Ну или не сломать ноги, когда пойдёшь с ним в сортир позади гостиницы. В качестве резервного источника света я достал и включил обычный

светодиодный фонарик на прищепке с желтоватым фильтром, чтоб яркий белый свет не заставил местных думать о нечистой силе. А фонариков у меня было много, и не потому, что начальство снабдило, а по велению души. Я вообще до всякой осветительной фигни – как дурак до фантиков.

Итого имеем: на нас напали разбойницы; наёмница Катарина да Мария да Шанан великолепно справились с ситуацией, убив всех нападавших в одиночку; такого-то числа остановились на постоялом дворе.

Убив, я не то чтоб горевал из-за этого сброда, но вбитые с рождения правила цивилизации иногда кололи совесть похуже занозы.

Далее: описал духа, сказку про северный народ и бессмертие, упомянул про алый шнурок. Сколь ни силился, так не смог вспомнить, чтобы по ним читали лекции, а значит, запись того стоит.

Диктовал я много, в то время как Катарина бросала частые взгляды на фонарик, который не давал ей покоя.

– Как он горит? – не выдержала наёмница, отложив оружие и сев на край кровати, отчего та так жалобно скрипнула.

Девушка осторожно поднесла руку к жёлтому огоньку и нахмурилась, но дотронуться не решилась.

– Халумарские штучки, – ответил я, лукаво глядя на свою телохранительницу.

В самом деле, даже землянину не всегда понятно, как работает электричество, а она – средневековый человек.

– Дыма нет.

– Угу.

Девушка покачала головой и вернулась к своему арсеналу. На полу валялись ошметки войлочного пыжа, который она перед чисткой долго и упорно выковыривала деревянной палочкой. Мол, серебряная пуля слишком дорога,

чтоб её пускать в какую-нибудь самонадеянную свинью.

Оказывается, помимо пистолетов, фальшиона, действительно оказавшегося нашего производства, охотничьего ножа и стилета у неё было несколько метательных ножей, сделанных из такого дерьмового железа, что если потеряются, то и не жалко. А ещё наконечник копья, который можно в любой момент нацепить на сколь-нибудь подходящую палку, и топорик. Одним словом, не девка, а ходячий оружейный магазин!

А я усмехнулся, захлопнул блокнот, начал рыться в сумке и достал зажигалку – конечно же, с фонариком на донышке, таким, на три батарейки-таблетки и крохотным диодом. Чиркнув колёсиком и недолго поглядев на дрожащий язычок голубоватого пламени, включил диод и кинул его Катарине.

– Лови.

– Ты голову потерял?! – заорала наёмница, отскочив к самой стене и закрыв руками лицо. – Черви ум съели?!

Она глядела сквозь пальцы на белую искру, упавшую на пол.

– Ты чего?! – опешил я.

– Я что, по-твоему, угли должна голыми руками ловить?

– Это не уголь, – чётко и почти по слогам произнёс я.

– Дурной! Он же добела раскалён! Пол загорится, а у меня здесь порох открытый!

– Да не будет ничего! – закричал я в ответ и, соскочив с кровати, подобрал зажигалку и сжал в кулаке, отчего сквозь кожу пробивался свет от диода, став красным.

Теперь казалось, что в руке действительно уголёк.

– Всё едино дурной, – понизив голос и сглотнув, пробурчала наёмница.

Она ошарашенно смотрела на мой светящийся кулак, но не могла понять, что это. Для неё это была магия. Хотя колдовство в этом мире существовало, оно отличалось от изображённого в фильмах и кино. И если я правильно помню, колдовской огонь – всё равно огонь.

Я разжал ладонь и подошёл к девушке.

– Дай руку.

– Нет, – отозвалась она, глядя на огонь и часто дыша.

– Он холодный.

Наёмница поджала губы и прищурилась, а потом протянула пальцы. Светодиод отражался белыми искорками в её глазах.

– Холо-одный, – протянула она, когда дотронулась до фонарика.

Мне хотелось в этот момент громко выкрикнуть «Бу!», но думаю, после этого пара костей в моём организме точно окажется сломанной. Посему ограничился лишь улыбкой. Заодно осознал, какая пропасть в мышлении лежит между нами, и от этого улыбка получилась очень горькой.

Я погасил огонёк и вернулся к своим вещам. Зажигалку отправил в карман, а притороченный к сумке спальник отцепил и кинул на кровать. Буду использовать его вместо одеяла.

– На полу будешь спать? – спросил я, стягивая с себя курточку.

На мне осталась уже немного попахивающая потом нательная рубаша, поверх которой на ляжках подмышечная кобура с пистолетом, и штаны. Как-то неловко оказаться в присутствии женщины в труселях. А с оружием расставаться нельзя по инструкции.

– Не положено вместе с чужим мужчиной.

– А у вас есть легенды, где леди Ланселотта и со своим возлюбленным разделяла ложе, но, чтоб не поддаваться искушению, клала между ними меч? Ну, как грань между плотским и духовным.

– Глупости, – пробурчала Катарина. – В кровати – это в кровати. К тому же ты – халумари. И лет тебе, наверное, триста, не меньше.

Она села на свой плащ и укрылась одеялом, прислонившись головой к стене. А я прикусил губу, чтобы не рассмеяться. Она считает, что я типа бессмертной Галадриэль из «Властелина Колец»? Или Леголас? Хрен его разберёт, кем она меня считает с этим долбаным гендерным реверсом!

– А сколько годиков тебе, дитя моё? – стараясь не заржать на всю гостиницу, спросил я.

– Восемнадцать, – шмыгнув носом, ответила наёмница.

– Ну так знай, дитя, – пафосно протянул я, не забыв отметить тот факт, что Катарина умеет считать больше чем до трёх, – твоему спутнику всего двадцать четыре.

Ожидал, что она пробурчит что-то нехорошее или вздохнёт с недовольным видом. Но вместо этого наёмница оторвала голову от стены, пристально посмотрела на меня, а затем поправила чёлку. Это было столь неожиданно, столь по-женски, столь не похоже на ту паладиншу, которая в упор расстреляла разбойниц и хладнокровно добила раненых, что я улыбнулся.

– Спокойной ночи, – произнёс я и погасил фонарик.

– Яси ниот, – донеслось в ответ тихое пожелание, а потом – короткое «фу», и масляная лампа последовала за моим светодиодом.

Несмотря на тяжёлый день, я долго не мог уснуть, разглядывая звёзды, виднеющиеся в небольшой вырез ромбиком в ставнях. В голове крутились убийство разбойников, спешка через Гнилой Березняк, ночной дух. Всё это казалось фильмом ужасов, но при этом словно происходило не сегодня, а когда-то давно. Неделю назад. Две. Три.

И Катарина, укутанная в одеяло и свернувшаяся калачиком у стены...

Сон всё же наполнил веки тяжестью.

– Да-а-ай! – раздался противный визгливый крик прямо у меня над ухом. – Да-а-ай!

Я через силу открыл глаза, едва различая в темноте какой-то силуэт, склонившийся к моему лицу, но пошевелиться не мог. Тело не слушалось. Не удавалось даже открыть рот и что-то произнести. А это нечто начало ощупывать меня, мыча, как старуха во время лихорадки.

– Дай-дай-дай, – тихим жадным шёпотом произнесло нечто.

Оно перемещалось вокруг меня по кровати, но я не чувствовал, чтоб кровать шевелилась. Оно словно парило в воздухе.

«Система, режим берсерка!»

«Отказано. Вы в фазе быстрого сна».

«Почему я не двигаюсь?»

«Зафиксирован сонный паралич».

– Дай-дай-дай, – непрерывно бормотало нечто, а потом взвизгнуло, неприятно царапнув щеку ногтями.

– Идемони! – раздался рядом голос Катарины. – Изыди!

– Моё! Оно моё! – противным, скрипучим голосом возразило невидимое существо.

– Иди в бездну!

Два быстрых шага – и что-то, вспоров воздух, хрустнуло... нет, скорее, с хрустом вошло в нечто сухое. И тут же стало светлее.

Наёмница в исподнем вонзила стилет в висящее в воздухе тело, похожее на гнилой, обтянутый серой кожей скелет. Сморщенное безглазое лицо с кривыми зубами казалось ещё чудовищнее в сиреновом свете, бьющем из места, куда вошёл клинок. Чёрные растрёпанные волосы свисали с головы, как лоскуты грязной половой тряпки. А груди, похожие на приклеенные к телу использованные перепачканные презервативы, вызывали отвращение.

- Нет-нет-нет, - забормотала тварь.

- Идемони. Прочь, - процедила Катарина и начала с яростью ворочать длинный стилет в ране этого чудовища.

- Нет! - завизжало то и наотмашь ударило наёмницу.

Девушка отшатнулась, выругалась и опять бросилась вперёд, встав на кровать коленом. Тонкий трёхгранный нож снова вонзился в неживую плоть, вызвав новый всполох фиолетового свечения.

Зато я смог шевельнуть пальцами и приоткрыть рот.

Катарина с ногами залезла на кровать и начала частыми резкими движениями колоть эту тварь. Чудовище пыталось дотянуться сморщенными пальцами до девушки, но ему удавалось лишь расцарапать руки до плеча.

В какой-то момент я ощутил, что могу слабо, как контуженный, шевелиться, и потянулся к пистолету. Пальцы плохо слушались, но всё же я смог достать оружие, снять с предохранителя и передёрнуть затвор.

- И-де-мо-ни, тва-арь, - по слогам процедил я и нажал спусковой крючок.

После истошных воплей чудовища выстрел даже не казался громким. Однако после хлопка оно взвизгнуло ещё сильнее и отскочило в угол, где повисло, как в стиле проклятых девочек из японских ужастиков, после ещё одного выстрела выгнулось дугой и сжалось в комок, чтобы исчезнуть. И комната опять погрузилась в полную тьму.

- Ушла, - тяжело дыша, произнесла Катарина.

– Что это за дерьмо?! – вырвалось у меня, когда я вскочил на ноги и начал нервно водить стволом из стороны в сторону, где, казалось, что-то шевелится. – Ответь, что это?

Силы вернулись ко мне в тот самый миг, когда тварь исчезла.

Наёмница положила руку на заветный мешочек с серебряными пулями и долго бормотала какую-то молитву, прежде чем объяснить. Я даже не увидел это, а понял по звукам – настолько темно было.

– Зависть.

– Что?

– Гнилой Березняк близко, и иногда духи принимают в себя людские грехи и страхи.

– Зависть? – переспросил я, пытаюсь привести мысли в порядок, и достал из кармана зажигалку с фонариком. На ум пришло только одно: меня капитально сглазили. Вот не верил раньше, а сейчас придётся. – Чья зависть?

Катарина коротко пожала плечами, глядя в опустевший угол, по которому нервно бегало пятно света от диода.

– Не знаю. Кто-то позавидовал, что ты такой... – Она замолчала на несколько секунд. – Ну, зависть.

– И глаза как льдинки, – пробормотал я. – Ты думаешь, я такой хороший? Прямо идеал? Что тебе достался халумари? Да хрен ты угадала!

– Ты о чём? – с недоумением поглядела на меня наёмница. – Они завидуют твоему бессмертию.

– Да на фиг! – выругался я по-русски, а затем продолжил на местном наречии: – Это же сказка. Это просто сказка!

– Попробуй объяснить это крестьянке, которая начала рожать в тринадцать, а в тридцать уже старуха. Они полны суеверий.

– А ты?

– Если бы я была столь суеверной, я бы не пошла к твоим лордам наниматься на работу.

– Помогите! Пожалуйста, помогите! Кто-нибудь! – раздалось сквозь доски пола. – Помогите! – повторился полный отчаяния крик.

Совершенно не думая о последствиях, я соскочил с кровати и бросился вперёд. Босиком пробежал по лестнице и оказался в обеденном зале, где было на удивление пусто, и только трактирщик прижимал к себе мальчонку лет двенадцати.

– Помогите! – плакал он.

– Что стряслось? – спросил я, подскочив ближе, а немного погодя рядом с фальшионом и стилетом остановилась Катарина.

– Они там. А оно... Оно их всех...

– Кого – всех? Где? – я наклонился к мальчику, перебирая все возможные варианты. – Разбойники? Демоны?

– Де-емоны, – протянул сквозь слёзы ребёнок.

– Веди.

– Это глупо, – произнесла Катарина за моей спиной.

– Это не глупо! – обернувшись, прокричал я. – Если там такая же тварь, что мы прогнали, то справимся!

– Они бы не стали тебе помогать, – ответила наёмница. – Ты для них никто.

– Зато они для меня – люди, – стиснув кулаки, процедил я и присел перед мальчиком. – Где это произошло?

– Там. На берегу. У каначки.

– У чего?

– У пристани с рыбацкими лодками, – пояснил за него трактирщик.

– Далеко?

– Замок справа обойти надобно.

Я кивнул и побежал наверх, где быстро накинул куртку и натянул ботинки на босу ногу. Сунул за пояс фонарик, но уже не эту имитацию свечи, а большой тактический, держа при этом небольшой.

Следом хмуро залетела Катарина, сразу схватив меня под локоть. Сил она не рассчитала, отчего я даже скривился от боли. Так ведь можно и руку выдернуть.

Едва сдержался, чтоб не выругаться и не выронить зажигалку с диодом.

– Я нанялась тебя охранять, а ты сам лезешь в пасть чудовищу.

– Там люди. – Я попытался вырваться из сильных пальцев воительницы, но сделать это оказалось весьма затруднительно, не стрелять же.

– Не пушу, – процедила она. – Будь ты хоть трижды бессмертным, я обязана тебя охранять. Пусть хоть все сдохнут, это не наше дело.

Я поглядел девушке в глаза. Конечно, она права. Конечно, это авантюра, но я же не чудовище!

– Давай хоть подойдём ближе. Посмотрим. Если там просто детская страшилка, то вмешаемся. Пожалуйста.

Катарина застыла, покусывая губы и блуждая взглядом по моему лицу. Ей очень тяжело давалось это решение. Но в итоге девушка разжала пальцы и сунула мне под нос кулак.

– От меня ни на шаг! – прорычала она и принялась быстро одеваться.

Как только всё оружие и снаряжение оказалось на ней, мы помчались на улицу. При этом девушка схватила со стола масляную лампу.

– Своим колдовством не свети: жителей перепугаешь, и никто не спасёт от расправы. Они могут подумать, что эти демоны с тобой. Ты же сам полупризрак, – короткими фразами продолжила говорить наёмница, время от времени оборачиваясь, чтобы убедиться, что я поспеваю за ней.

Мне только и осталось, что кивнуть и погасить светодиод. Как же, полупризрак! Но Катарина и сейчас права: нечего лишний раз нервировать суеверных горожан.

Свет масляной лампы был очень тусклым, и вместо того чтобы бежать, пришлось идти, глядя под ноги, чтобы не споткнуться о дышла телег, уроненные дрова и выбоины на дороге. Заблудиться в этой темени можно в два счёта, и спасало только то, что у местных был обычай выкрашивать известью либо всю стену дома, либо жирную полосу, хорошо видную при тусклом огне.

В итоге до места добрались за десяток минут, выйдя к посыпанной булыжниками набережной. Ночью сложно судить о ширине реки, но то, что к деревянным причалам пришвартованы довольно большие лодки, говорило о её хоть незначительной, но судоходности.

А ещё над водой слышались стоны. Я пошёл вдоль набережной, пытаюсь найти источник звука. Речка тихонько плескалась, позволяя хоть ориентироваться в пространстве, но даже при этом я дважды чуть не упал.

– К чертям! – выругался я и достал из-за пояса тактический фонарь.

Яркий белый луч разрезал тьму, и там высветил то, от чего стало дурно. В воздухе, на высоте примерно трёх метров, медленно качались, как поплавки на

малой воде, люди. Пятеро. Качались, обнажённые и насаженные на колья толщиной в руку, словно леденцы на палочках. Кровь стекала по телам и капала в воду, но при этом сами жертвы были как будто в невесомости.

А между ними сновали какие-то чёрные создания, похожие на смесь осьминогов и обезьянок. Не знаю, как описать подробнее.

– Почему колья? – не своим голосом спросила Катарина, вглядываясь в происходящее, и у неё натуральным образом тряслись губы. – Зачем колья?

Девушка недолго думая вошла в воду, почти сразу уйдя по бедра, но дальше дно было более пологим, и она уверенно добралась до людей и попыталась подскочить и ухватить ближайшего. Но не удалось. Вместо этого твари дружно захохотали, а человек, который оказался немолодым мужчиной, начал опускаться к воде, словно твари намеренно дразнили храмовницу. Катарина прыгнула, но жертва духов быстро подлетела на недостижимую высоту, чтобы через секунду снова опуститься пониже.

Они действительно дразнили ее.

– Юрий! – закричала девушка. – Иди сюда, я подсажу, достанешь!

– Нет! Они играют с нами, как с котятками!

Казалось, теперь мы поменялись местами. Рассудительная наёмница не слушала и всё прыгала, пытаясь достать, а я, наоборот, отговаривал её.

– Трус! – завопила она под стоны жертв этих тварей. – Никчёмный мальчонка! Паршивый халумари!

– Дура! – ответил я, шагнув в реку и едва удержавшись, чтобы не плюхнуться в воду, поскользнувшись на мокрой траве. Там, где девушке доставало до бедра, я ушёл по пояс. – Мы так не поможем! Нужно придумать что-то другое!

Чудовища захохотали снова, а я покрутил фокусировку, сделав луч совсем узким. Хотелось рассмотреть существ, чтобы знать, с чем имеем дело. Луч полоснул по тварям, и они заметались, уходя от него. Хохот сменился гневными

воплями.

– Что, уроды, не нравится?! – заорал я и начал махать фонарём, раскраивая тьму.

– Пар-ши-вец, – донёлся шипящий голос, и мужчина, которого пыталась поймать Катарина, поднялся выше прежнего, а потом резко рухнул вниз, остановившись у самой воды.

Вот только кол проткнул его насквозь, и заострённый конец теперь торчал из тела в районе ключицы.

– Не-е-ет! – закричала Катарина и подбежала ко мне, шумно разгребая воду. – Где твоё оружие?

– С собой.

– Стреляй!

– Я не попаду в духов: слишком быстро мечутся! – закричал я, махнув фонарём, отчего пятно света пробежало по волнам, прыгнуло на деревья, растущие на противоположном берегу, а потом снова вызвало недовольство тварей, уворачивающихся от света.

Катарина вытерла ладонью мокрое лицо, а потом произнесла дрожащим голосом:

– В людей стреляй.

– Я не смогу.

– Трус! – закричала девушка. – Они всё равно умрут, но будут мучиться до самого рассвета! Ты этого хочешь?!

Я рывком достал пистолет и дважды щёлкнул: один раз предохранителем, второй – кнопкой лазерного целеуказателя. Рубиновая точка сразу же упёрлась в воду.

– Держи, – произнёс я, протянув оружие. – Попадёшь туда, где лежит солнечный зайчик.

Наёмница выхватила пистолет из моих рук и, немного подержав его, вскинула и начала стрелять. Я не удивился, что она сумела. Принцип стрельбы что из самозарядного, что кремнёвого пистолета одинаков, а то, что мой перезаряжать не нужно, она уже видела.

У меня оставалось пять патронов в магазине, и она их все до единого использовала, вызвав негодование духов. А убитые начали падать в воду по одному, как оброненные шампуры с мясом. Вот только девушка их не стала доставать, а молча пошла к берегу.

Духи дружно простонали и исчезли.

– Пойдём в трактир, – пробормотала она обессиленно и протянула мне пистолет.

Я взял его и опустил фонарь, увидев, что с руки девушки капает кровь. Забыл предупредить о затворе, вот он и ободрал кожу.

– Угу, – кивнул я, сунув оружие в кобуру, и достал вместо тактического фонаря зажигалку.

Только разъярённых местных нам сейчас не хватало! А яркий свет спишем на нечисть – мол, призрачные огни.

До таверны мы дошли мокрые и усталые. Хозяин встретил нас взволнованным взглядом, но о чём-либо спрашивать не решался.

– Пива в комнату, – пробурчал я и поднялся по лестнице, где стянул с себя одежду и начал надевать сухие футболку и трусы.

Зашедшая следом Катарина шмыгнула носом и тоже скинула сырые вещи. Но при том, что между нами было всего два шага, обнажённую девушку я не увидел, так как мы, не сговариваясь, повернулись друг к другу спинами. А когда переоделись, Катарина села на пол и закуталась в одеяло. Я взял спальник, который мановением застёжки-молнии перестал быть таковым, тоже став

одеялом, и, немного подумав, сел рядом с девушкой.

- Почему они не напали на нас?

- Им были нужны не мы. Тех бедолаг демоны вели от самого березняка, в надежде, что опоздают к закату. Они и опоздали. Демоны не самые сильные, но кропотливо накидывали невидимую удавку. А когда стемнело – затянули.

Я замолчал, а в дверь постучали. Вошла дочка трактирщика с большим кувшином, следом и сам хозяин с тарелкой только что сваренного мяса.

- Дорогие гости, вера в ваше благородство позволяет привнести яства. Ведь вы же не обидите вдовца?

- Утром, любезный, – протянул я.

Трактирщика понять можно: он и так работал не покладая рук, а если мы его кинем с деньгами, будет неприятно, тем более что свежее мясо стоило дорого.

«Система, фоновая запись происшествия на реке проводилась?»

«Запись в режимах сна не осуществляется», – прошептал внутренний голос. После его слов я ущипнул себя за бок. Боль чувствуется. Значит, сбоят мой проц. Глючит напропалую, и доверять ему нельзя. А кому можно? Здравому смыслу.

- Выпьем за доверие? – произнёс я, чувствуя рядом тёплый бок Катарины.

- Наливай, – криво улыбнувшись, ответила она.

Глава 7

Неправильный мир

Наутро настроение было подавленным. Все эти убийства и злые духи снились ночью в кошмарах. Я несколько раз просыпался в холодном поту: всё казалось, что в темноте что-то шевелится и готовится напасть. Я даже фонарик не выключал.

Система заткнулась и перестала оповещать. На все запросы отвечала неизменно, что я в фазе сна. И дальше спрашивать её было без толку. Лучше уж пусть совсем молчит.

Рассвет встретил с таким облегчением, словно от солнца зависела сама жизнь. Катарина тоже просидела до утра рядом с кроватью, но стоило проснуться, умчалась по нужде, кинув мне на кровать заряженный пистолет.

Одежда за ночь не просохла, и пришлось скрепя сердце надевать сырую. Благо более тёплый климат подарил хорошую погоду.

– У вас всегда такие убийственные ночи? – спросил я, когда Катарина вернулась и пришла моя очередь схватить мыльнорыльные принадлежности.

Но вместе с ними я достал бинт и протянул девушке.

– Нет, – осипшим голосом ответила она и начала наматывать его на руку. Катарина лишь немного покрутила перед этим моток белой ткани, разглядывая диковинку. – Обычно грешни ведут себя тихо. Видимо, не яси, кто-то потревожил Гнилой Березняк. Грешни от крови ум теряют. Видимо, не яси убили кого-то по дороге.

– Понятно, – пробурчал я, поглядев на красный шнур на поясе девушки и вспомнив ночную зависть.

При этом отметил, что наёмница перешла на какой-то сленг. «Видимо, не яси». Дословно это может означать негативное отношение к чему-то неизвестному. А грешни – это какие-то духи. Но Катарина до этого говорила практически академическим местным языком, так сказать, уставным, который нам давали во время занятий. И вообще, она хорошо образована, но это вполне понятно. Она же паладинша, пусть и недоучка.

Я быстро спустился по лестнице и вышел на улицу через запасную дверь, оказавшись за постоянным двором. На глаза попала работница, которая ощипывала обезглавленную курицу. А я-то думал, что хозяин один управляет. Наивный, блин! У него наверняка не одна батрачка.

Быстро умывшись и побрившись, я вернулся. Катарина как раз рылась в своих вещах, выложив многое на стол. Я сунул мыльнорыльные принадлежности и приторочил полотенце к походной сумке, а потом взгляд зацепился за яркие бумажки на краю стола. Руки сами собой потянулись, вскоре оказалось, что помятые листы с потёртыми и разлохмаченными краями – это комиксы, специально печатаемые нашими для местных. Над ними трудились художники, адаптируя земные сюжеты под местные реалии. Я даже серию скажу: про воительницу Илианну Муромеццо. Вот и сейчас на картинке статная богатырша в чешуйчатой броне и с большой палицей вглядывалась в даль в поисках неприятелей. И была она не одна, а в сопровождении светловолосого юнца в ярких одежах, упёршего в землю приклад мушкета длиной в его рост. Как говорится, Зигмунд Фрейд ему в помощь.

Я ухмыльнулся. Мало ли, вдруг она использует эту ерунду вместо лопуха для нужды. Но в следующий момент, когда поднял глаза, увидел перед собой пунцовое, как свёкла, лицо наёмницы, и даже немного напрягся, ожидая возмущения, но вместо этого девушка начала ломать пальцы, кусать губы и невнятно бормотать.

– Это не моё. Это я нашла. Я потом выкину.

Катарина осторожно взялась за край бумаг и потянула, а когда я отпустил, быстро завернула в чистую тряпицу и сунула в сумку. Перемена в поведении девушки была столь неожиданной, что я лишь проводил яркие картинки недоумевающим взглядом. Собственно, чего такого в рисунках, что она покраснела от стыда?

Но спрашивать не стал. Не время.

Позавтракав обычной кашей и рассчитавшись с трактирщиком, мы оказались на улице. Яркий свет влюблённой пары солнечных богов представил перед моим взором совсем другой город, нежели при фонариках. Мощённая плоской галькой площадь в окружении ютящихся друг к другу двухэтажных таунхаусов с

красными черепичными крышами была полна людей, выставивших переносные лотки с товаром. Выглядело это забавно, ибо сами лотки походили на большие табуретки с длинными ножками, верёвками для переноски, а зачастую ещё присутствовал и длинный шест, на конце которого болталась раскрашенная деревянная фигурка, изображающая то, чем ведётся торг: калачи, ножи, ткани, скобяные изделия, живая скотина, молоко, яйца и прочее. Над торжищем стоял гомон торговцев, желающих перекричать друг друга. А в сторонке на бочках и простеньких скамьях, словно синички на жёрдочке, стайками сидели чумазые дети.

– Кошелёк держи покрепче, – произнесла Катарина, перехватив поудобнее свою сумку и двинувшись вдоль рядов.

Девушка сразу нашла нужную ей вывеску и теперь неспешно двигалась к ней. Я улыбнулся и последовал за ней.

– Пуговицы! Нитки! Иголки! – орала одна торговка.

– Гвозди! Ножи! Серпы! Косы! – рекламировала товар другая.

– Рыба! Копчёная рыба! Копчёные кальмары!

Я усмехнулся, а потом поглядел вслед спутнице, которая остановилась у лотка с большими пучками сушёного мха, тщательно разглядывая ассортимент. Надо быть дураком, чтоб после недавних событий не догадаться о цели покупки: ведь дамских прокладок ещё не изобрели, а проблема существует столько же, сколь само человечество. Но если честно, то не сильно хотелось узнавать подробности. С этим пусть учёные-этнографы разбираются.

А вот на крики о рыбе и кальмарах я отозвался. Худая, как сушёная вобла, женщина сразу поймала мой взгляд и начала раскладывать на небольшой циновке свой товар, хранящийся в корзинах рядом с ней.

– Пошёл прочь! – неожиданно для меня прокричала торговка, отгоняя побирающуюся собачонку, а затем, наклонившись, схватила палку. Собачонка, подкраиваясь сбоку, сразу дико завизжала, словно её опустили в кипяток, и пустилась наутёк, а отбежав на несколько шагов, злобно залаяла на торговку. – Чего изволите? – с улыбкой обратилась ко мне женщина. – Окунь? Судак? Сом?

Карп? Сквид?

Я сперва думал, что неправильно перевёл слово, означающее кальмара, но на циновке действительно оказались головоногие моллюски. И иные из них имели длину локоть. Ну, со щупальцами, но всё же. При этом я не помнил, чтоб рядом было море. До моря километров сто, не меньше. Или, как сказали бы местные, около трёх десятков истадлей, хотя они и милями тоже меряют. Может, в самом деле речные?

– Одного судака и трёх сквидов, будьте добры, – ответил я, положив на ладонь женщине мелкую монетку.

Та сразу упаковала товар в большой лопух, связав тонко надраннным лыком.

Поблагодарив, я пошёл вслед за Катариной, которая тоже несколько раз останавливалась у прилавков. Насколько могу судить, она взяла вязанку луковиц, несколько мотков ниток и вяленое мясо, а также сделанную из тыквы флягу.

Стоило отойти на пару шагов от местного рыбпромторга, как меня со всех сторон обступила детвора.

– Благородный господин, купи крысу! – звонко прокричал босоногий мальчонка лет семи, сунув мне чуть ли не в лицо связанного и отчаянно пытающегося высвободиться грызуна. – В пути оч яси будет. С чесноком.

– Купи улиток! – попыталась оттолкнуть его девочка в сером платьице и простеньких сандалиях, протянув мне лист лопуха, на котором лежала большая горсть витых раковин размером с ранетку. – Долго хранятся.

Девочка была на лицо не старше мальчугана, но ростом почти с меня. И это всего лишь семилетка! Она ловко поймала одну улитку, пытающуюся совершить медленный, но отчаянный побег, и вернула на место.

– Мне не нужно, – спокойно произнёс я, проверив кошелёк – вроде на месте.

– Ну, тогда пиявок, – не унималась она. – Они кровью поросёнка полные.

– А ну, прочь! – раздался над ухом возглас Катарины. – Стой! Улиток покажи!

– Вот, – оживилась девочка, но наёмница поморщилась.

– На какой полыни ты их нашла?

– Ничё не полынь! Виноград!

– Да ваш виноград хуже полыни! Кислый, как уксус! И улитки такие же.

– Ничё не кислые! – заголосила девочка.

Я с интересом слушал этот спор, но наёмница в конце концов достала несколько медяшек и кинула девочке, взяв лопух с ракушками.

Только после этого мы тронулись дальше. Шли тем же самым путём, что бежали ночью в поисках нечисти. Но на этот раз город не пугал, а казался вышедшим из сказки. Даже грязь под ногами и лёгкий запах нечистот не портили настроение.

Конечно, когда вышли к реке, через которую, оказывается, чуть дальше лежал деревянный мост, мне стало тоскливо. Я шёл за наёмницей и в то же время вглядывался в зеленоватую воду. Ни крови, ни тем более тел не наблюдал. Их наверняка уже убрали. Но я же сам видел, что произошло. И висящих в воздухе, как жабы на соломинках, насаженных на колья людей никогда не забуду.

– Вылей вино в воду, – произнесла Катарина, остановившись рядом и протягивая ту самую тыкву-флягу. – Отпусти их.

Я кивнул, взял вещь и осторожно подошёл к берегу, стараясь не соскользнуть. Тонкая струйка рубиновой жидкости с журчанием полилась в речную воду. В разные стороны бросилась мелкая живность. У каждого народа есть ритуалы поминания мёртвых, и хмельные напитки используются в большинстве из них.

Постояв ещё немного, мы пошли к мосту, встретившему нас лёгким скрипом толстых досок. А ещё с него открывался потрясающий вид замка в профиль. Сперва казалось, что речка огибала холм, на котором стояла крепость, но на деле часть замка росла прямо из воды. Нижняя половина стены поросла ярким

зелёным мхом, верхняя оставалась грязно-серой. Кому-то покажется, что лицевая побеленная сторона красивее, но именно с этой чувствовалось нечто настоящее.

И кстати, о реалиях. Что-то я совсем расслабился. Возомнил себя героем странствий. Как же, я же голубоглазый эльф, самый настоящий, ролевикам на зависть! Круче только косплей на Бога. А ещё у меня супер-пупер-крутая телохранительница. Нет, она, конечно, крутая, но вот надеяться нужно и на себя. Всё же это средние века. Да и без системы привыкать нужно.

– Подожди, – произнёс я и, достав пистолет, убедился, что не забыл сменить магазин, и совершил три простых движения.

Предохранитель. Досыл патрона. Предохранитель.

– Я уже смекнула, как это стреляет. Хитрая поделка! Но у нас такую сделать не смогут. Только не поняла, где у неё затравочный порох лежит.

– Он немного не так действует, – улыбнулся я, убирая оружие на место.

Не смогу ей объяснить, что такое капсули.

– А пули с серебром?

– Нет. Свинец и сталь в медной оболочке.

– А как же ты тогда зависть подстрелил?

Катарина сперва нахмурилась, пытаясь прийти к каким-то умозаключениям, потом вскинула брови и открыла рот, чтоб что-то спросить, но передумала. Девушка поглядела в сторону и тут же опустила взгляд на бегущую под мостом воду. Та с журчанием штурмовала деревянную опору, безуспешно пытаясь сдвинуть с пути. А ещё в волнах мелькнули силуэты головоногих моллюсков, сбившихся в стайку. И правда речные! На воду села чайка, и кальмары быстро сделались белыми и бросились врассыпную, а затем резко потемнели и собрались в кучку, сбивая птицу с толку. Только по игре света и тени едва угадал, что происходит.

А ещё там плавали мальки, держась поближе к опоре моста. В солнечный день речка просматривалась до самого дна. Будем возвращаться – обязательно порыбачу, благо нехитрый набор снастей всегда с собой.

Постояв немного, мы пошли дальше. Катарина задумчиво сорвала с перекинутой через плечо вязанки луковицу, неспешно очистила и откусила, как сочное яблоко. Я аж скривился.

– Как ты это ешь?

– Он же сахарный! – недоумевая, ответила девушка, а потом широко улыбнулась. – У вас на севере не растёт сахарный лук? Попробуй.

Я взял одну луковицу и почистил. Лук как лук. Даже пахнет так же.

Обречённо вздохнув, откусил. На вкус он был... Не знаю, как описать. Вроде и лук, а сладкий, словно груша. Действительно, неплохо.

Откусив кусок побольше, неспешно направился на восточный тракт. И выше нос, прогрессор! На ошибках учатся, а о демонах можно потом вспомнить в кругу друзей, приврав для порядка, как заправский рыбак приукрашивает свою историю. И зубы острее, и крови больше, и вопли громче. И я весь такой герой.

Я вздохнул. Сумка ещё не начала давить, отдаваясь ватной усталостью в ногах и ноющей болью в плечах и шее. Котелок, который я переместил из поклажи на ремень, ещё не отбил ягодицу и не оттянул этот самый ремень, заставляя врезаться в кожу. По спине ещё не бежала струйка пота. А это значит, что можно смело идти вперёд. И хотя не любил бегать, но долгие переходы с полной выкладкой неплохо переносил. А быстрый бег? От долговязых преследовательниц не убежишь: у них всё равно ноги длиннее.

Вот таких и отбирали на внешний допуск – жилистых, невысоких и по возможности приятных на мордашу. Мы ж эти... прекрасные эльфы, мать его, этот гендерный реверс!

Вскоре мы покинули пределы города, двинувшись по тракту. И если на запад от города местность была холмистой и еловые лесочки перемежались с берёзовыми

колками и полями, то здесь она стала куда ровнее, а хвойные деревья исчезли. Берёзы никуда не делись, но помимо них росли клёны, липы, дубы и акации. Пару раз попались какие-то растения, похожие на древовидные папоротники. Во всяком случае, широкие перистые листья выглядели именно так.

Но двигались мы не одни. Попутно тянулся целый обоз из десятка запряжённых в телеги волов. На телегах лежали серые мешки, большие, плетённые из соломы и прутьев корзины, клетки с живностью. Рядом с этим шла целая ватага женщин и девушек в рабочих одёжках из некрашеного льна.

Из этого всего серого выделялся ярко-ярко одетый паренёк лет шестнадцати, сидевший на краю телеги. Он грыз точно такую же луковицу, что купила Катарина.

– А это что за шут? – спросил я у девушки, показав на парня.

Наёмница смерила меня насмешливым взглядом и пояснила:

– Это его женить везут. Видишь, телега, приданым гружёная? А сам с поясом-оберегом, который повязал ему отец невесты.

Я пожал плечам. По мне, пояс как пояс – ну подумаешь, ярко расшитый...

Мы шли позади всего обоза, не обгоняя и не отставая. Главное – в навоз не наступить, а то не отмоешься. А ещё я пожалел, что нельзя было с собой взять даже плеер. Мол, это снизит внимательность. А диктофон запретили, чтоб меня не сочли сумасшедшим, разговаривающим с самим собой. Те ещё перестраховщики! Нужно предложить хотя бы плёночные фотоаппараты, раз цифровую технику нельзя. Хорошо, хоть фонари разрешили.

Шли долго и молча. Солнечная пара уже висела над головами. По спине всюду бежал пот.

В какой-то момент Катарина показала рукой на заросли ивняка, виднеющиеся впереди.

– Там брод через Гладышку.

– Опять мокнуть? – поморщился я.

– Она по колено.

– Надоело уже! – фыркнул в ответ. – Только-только высох.

Наёмница не ответила, но вдруг свернула с дороги и пошла через высокую траву к какой-то понятной только ей цели. Пришлось и мне плестись, разгоняя кузнечиков, вспугивая бабочек и птиц, слушая писк мышей под ногами. Я поглядел на обоз, начавший сбиваться в кучу для привала. Было заметно, как с телег начали стаскивать разный инструмент. А когда девушка завела меня в заросли ивняка, ветер донёс запах дыма.

– Вот, яси место, – самодовольно произнесла Катарина и скинула с плеча свою поклажу.

Я оглянулся и улыбнулся: место действительно красивое. Небольшая поляна прямо на берегу широкого омута спрятана от посторонних взглядов, так как высокие кусты с пышной листвой образовывали естественное укрытие, давая прохладную тень. Посередине поляны белело пеплом размытое дождём старое кострище.

Катарина неспешно достала топорик и посмотрела по сторонам, а затем шагнула в заросли, где сразу же раздался треск и гулкие удары по дереву. Я же, чтоб не тратить время, достал котелок и набор столовых приборов. И хотя есть поговорка «Вышел в поле – живи как свинья», я её категорически не одобрял. Потому даже расстелил небольшую скатерть, и хотя она не белоснежная, а серая, зато чистая. А также достал сделанную из нержавеющей стали тарелку, куда выложил копчёную рыбу и кальмаров. При виде моллюсков перевёл взгляд на свёрток с улитками, который за медный грош купила у детишек Катарина. Неужели она станет это есть? А почему бы и нет? Ведь едим же креветок и прочую мелкую живность. Надо потом самому попробовать. Прямо хоть блог о нравах иного мира заводи по возвращении!

Катарина вынесла большую охапку сухих веток, кинув в кострище, а потом встала на колени и достала из сумки трут в виде сильно разлохмаченной пакли и огниво. Всего один удар кремня о кресало, и трут начал тлеть, а наёмница стала его осторожно раздувать.

– Духи места благосклонны, – улыбнулась девушка, заставив меня неуютно поёжиться и оглядеться по сторонам.

При слове «духи» вспомнился ночной кошмар, но раз она говорит о духах места с теплом, может, не все потусторонние создания сумасшедшие твари с признаками маньяков-садистов.

– Что готовить будем? – спросил я.

– Похлёб... – начала Катарина, но не договорила, резко встав и прислушавшись.

– Опять разбойники? – шёпотом спросил я, сунув руку за пистолетом.

Наёмница молча покачала головой.

– Духи?

– Пойдём поглядим, – произнесла она и направилась в сторону выхода из этого естественного убежища, а затем остановилась, старясь, чтобы её не было сильно заметно из-за кустов.

Я тоже выглянул. Торговый караван в спешке закидывал вещи в телеги и уходил в разные стороны. Над лагерем стоял шум и гам.

А по дороге шла колонна. Вроде такая же, как и торговцы. Вроде и телеги есть, и скот, да только взгляд выхватил среди идущих вооружённых пиками, луками, арбалетами и аркебузами воинов. Тысячная колонна терялась в пыли, растягиваясь на сотни метров. И шли они не беспорядочно. Можно смело различить авангард и боковое охранение, прикрывающее колонну на марше.

– Я щас, – прошептал я и вернулся к сумке, из которой достал небольшой бинокль.

Вернувшись, пристальнее всмотрелся в войско.

– Люценбургская терция, – тихо проговорила Катарина. – Кто-то готовится к войне. Большой войне.

Я не ответил. Мой взгляд пробежал по одетым в яркие одежды женщинам и девушкам. У многих были разноцветные стеганые гамбезоны, кольчуги, а то и вовсе кирасы. На головах – шлемы. Одним было под сорок, а может, и больше, другие – совсем ещё девчонки, на взгляд лет семнадцати. Шли они, изредка переговариваясь, но о чём их беседы, я услышать не мог при всём желании.

– Они же вместо войны могли быть кормящими матерями, беременными. Стирать пелёнки и готовить еду. Ухаживать за домом, – протянул я.

В первый раз подумал, что это неправильный мир. Женщины не должны воевать. И феминистки нашей родины не правы, ведя нас к такому же пути.

Внутри возникло щемящее чувство жалости к девушкам, тоски от этого шествия обречённых: ведь многие из них уже никогда не вернутся, никогда не улыбнутся. В первый раз я испытал его, когда, повзрослев, перечитал книгу «А зори здесь тихие». Вот только этот отряд состоял из тысячи дев, и шли они не за родину биться, а за мелкую монету. От этого было обидно вдвойне.

– Они почти все матери. Они почти все беременные, – спокойно произнесла Катарина.

Я медленно опустил бинокль, а потом и взгляд в землю и тихо вздохнул.

Это неправильный мир. Ведь погибая сами, они уносят с собой ещё одну жизнь. Ещё не видевшую прекрасный свет двух влюблённых звёзд.

Глава 8

Шаг через себя

Терция встала на привал у того самого брода, через который мы собирались идти. И теперь вся эта орава из тысячи вооружённых баб мешала движению.

Караван торговцев разбежался по кустам, не желая связываться с воинским формированием, немногим отличающимся от банды. Нет, конечно, они подисциплинированнее орды кочевников, но процент наглой и самоуверенной гопоты, попавшей на службу ради лёгкой монеты и думающей, что всё им сойдёт с рук, здесь значителен.

– Как пойдём? – спросил я, быстро доедая купленную рыбу и кальмаров, ибо в сложившихся условиях с горячей пищей весьма проблематично.

Катарина молча собирала вещи, а на мой вопрос лишь глянула куда-то в кусты. Она тоже наспех перекусила вяленным мясом, запив его водой из омута. На мои слова, что нужно кипятить, буркнула, мол, что вода чище ножей солдаток терции. Она явно не хотела связываться с ними, хотя сама наёмница.

Вскоре собрались, и моя телохранительница повела меня вдоль зарослей, выглядывая известные только ей приметы. Порой приходилось натуральным образом прорубаться через кустарник. А через сотню метров вышли к журчащей запруде. Два ствола рухнули в воду, создав из веток подобие фильтра, на котором осели принесённые рекой обломки деревьев и мусор. Всё это превратилось в преграду потоку, но главное – по стволам можно пройти, не замочив ног.

– Сумеешь перебраться на ту сторону? Или ты изнеженный мальчик?

– Сумею, – ответил я, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

Вместе с мусором на ветках прибило труп. Он лежал сейчас лицом вверх, и легко можно было заметить широкий порез на горле.

– Что застыл?

– Подожди-и, – протянул я и отвернулся. – Система, включить режим «цинник».

«Отказано. Вы в фазе быстрого сна».

– Какой, к чёрту, сон?! – зло пробормотал я, а потом пнул первую подвернувшуюся корягу. – Я так с ума сойду! Система, снизить уровень

эмоциональности.

«Отказано».

- Система, произвести отказ субличностей.

«Отказано. Согласно протоколу вы должны иметь субличность “олух”».

- Произвести тест целостности системы.

«Система функционирует в штатном режиме».

- Объяснить причину введения режима «олух». Подробный протокол рекомендации.

«Согласно психологическим картам в других режимах, вы с вероятностью сто процентов вступите в конфликт с наёмным сотрудником. Это может привести к срыву выполнения задачи».

- Задачи, - прошептал я, наклонив голову. - Я сейчас всего лишь курьер по доставке текстов, подлежащих набору работниками на обычных матрицах из свинцовых букв, и файлов с разлиновками гравюр. Конечно. Никаких конфликтов. Система, показать прогноз конфликта в каждом режиме и основные показатели.

«Режим “книжник”, - начала подробный рапорт встроенная в мою голову цифровая тварь. - Личностная неприязнь к данной категории людей. Наиболее вероятно напряжение отношений со стороны наёмного работника из-за излишней формальности. Режим “циник”. Крайне агрессивное тестовое отношение к данной категории личности. Причиной служит неустановленная психологическая травма. Режим “олух”. Лёгкое недовольство со стороны наёмного сотрудника. Повышенная эмпатия в данном режиме позволяет избегать конфликтов».

- Принял, - произнёс я, поглядев на Катарину, которая тоже хмуро меня разглядывала, не понимая, с кем и о чём разговариваю. Для неё я наверняка выглядел умалишённым. - Система, какова вероятность конфликта при откате

субличностей к врождённым показателям?

«С вероятностью семьдесят процентов возникнут конфликты на почве бытовых и культурных элементов. С вероятностью пять процентов это приведёт к вашей гибели. С вероятностью шестнадцать процентов это приведёт к гибели наёмного сотрудника».

Я снова поглядел на девушку. Неужели мы настолько несовместимы, что поубиваем друг друга? Хорошо, помучаюсь в режиме Иванушки Дурачка. Всего-то нужно пройти до контрольной точки, отдать чугунную флешку и вернуться. Дел-то!

Глубоко вздохнув, я поправил рюкзак и сумку и направился к брёвнам. При этом старался не глядеть на труп. Чёртова повышенная эмпатия! Из-за неё совсем как дурак себя веду.

Несколько раз повторив детскую песенку про бычка и доску, перебрался на другой берег, где пришлось немного подождать Катарину. Оказалось, что я куда ловчее и проще справился с преодолением препятствия. Не знаю, какая подготовка в заведении, где учатся паладинши, но меня перед отправкой изрядно гоняли по полосам препятствий, развивая ловкость и выносливость. Хотя до спецназа мы даже близко не дотягивали: задачи не те.

– Дем! – выругалась Катарина, когда уже на финишном отрезке бревно под её ногами качнулось.

Пришлось помочь, протянув руку, хотя я понимал, что если она свалится в воду, то утащит меня за собой. Но глубина была не очень большой, вряд ли больше полутора метров, однако упасть с вещами было бы неприятностью. Это значит опять намочнуть. Опять долго сохнуть самому и сушить вещи.

А хватка у неё железная, чуть пальцы мне не сломала. Вот что значит постоянно мечом махать!

Когда выбрались из прибрежных зарослей, пришлось обходить стоянку терции дикими полями. Здесь земля уже не возделывалась, и идти по беспорядочным

порослям высокой травы было тяжеловато.

Над нами парили, почти не делая взмахов большими крыльями, какие-то падальщики типа грифов. В траве шуршали многочисленные мелкие обитатели, пару раз видел метровых змей неизвестного вида, и проверить, ядовитые ли они, не хотелось совершенно. Но вскоре мы вышли на тракт.

– Это чегой-то они ждут? – сразу, как выбрались, спросил я и оглянулся на виднеющийся вдали брод.

Что стало с торговцами, не знаю. Зависит от общего настроения всей этой оравы. Вполне может быть, что купцы, наоборот, продадут им весь товар. Вкусно покушать и прибарахлиться любит любая армия.

– Терция? – глянув на меня, переспросила Катарина.

– Стервятники.

– О боги! – взмолилась девушка, подняв лицо к небу. – Это просто падальщики. Чего они могут ждать?

– У меня на родине грифов нет, – ответил я, заметив, что субличность «олух» уже забыла о трупe в реке и вчерашних кошмарах с духами, словно они случились год назад.

И это опасно. Нужно быть более сосредоточенным, а не по принципу «с глаз долой – из сердца вон». При моих словах девушка сперва хмыкнула, а потом задала вопрос. Не то чтобы я не его ожидал, но он не в тему с грифами и терциями.

– А цветные картинки делают твои братья?

– Какие картинки? – уточнил я, не сразу поняв, но потом до меня дошло: она говорила о комиксах.

– Про госпожу Илианну, – покраснев, ответила она, даже на шёпот перешла.

– А, – отмахнулся я. – Этого добра в нашей цитадели столько, что девать уже некуда. И про Илианну, и про леди Летучую Мышь – победительницу безумцев, и про странствия сестры Лючии Небесной Странницы с солнечным мечом на летучих кораблях. Даже про властительницу колец есть.

– А кто это – властительница колец?

– Ну... – протянул я и задумался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/osipov_igor/revers

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)